

М 85
249

801-14
1415

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

810-85
157-4

ЗАРЕВО ЗОРЬ.

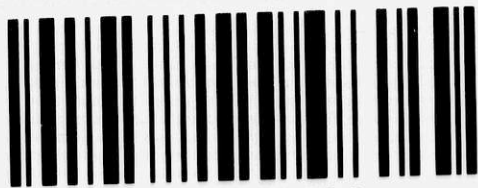
XII - 1578

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ГРИФЪ. МОСКВА.—1912.

*Всѣмъ тѣмъ, въ чьихъ глазахъ отразились мои
Зори, отдаю я отсвѣтъ ихъ очей.*

2011142283

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, домъ Обиловой. Телефонъ 131-34.
Москва.—1912.

ДОЧЕРИ НОЧИ.

ДОЧЕРИ НОЧИ.

У Ночи двѣ дочери есть,
Одна въ серебристыхъ вуаляхъ,
Другая — въ лазоревыхъ даляхъ,
Нарядовъ обѣихъ не счесть.

Но все же одна предпочла
Въ покровѣ быть звѣздо-сребристомъ,
Другая же въ золотѣ чистомъ
И въ смѣхѣ огнистомъ свѣтла.

Одну Вечеряной зовутъ,
Проходитъ она по высотамъ,
И меда не ищетъ по сотамъ,
Не холить въ саду изумрудъ.

Другая же любить кусты,
Ее называютъ Утрянка,
Проснется она спозаранка,
И гонить пчелу на цвѣты.

И звѣзды — служанки одной,
Готовятъ ей серьги, запястья,
Готовятъ высокое счастье
Быть избранной въ безднахъ — Луной.

И слуги другой суть цвѣты,
Сплетаясь златымъ хорóводомъ,
Готовятъ ей чашечки съ медомъ,
И Солнце зовутъ съ высоты.

Утренняя пьянѣеть въ лучахъ,
Съ зарей засыпаетъ хмѣльная,
И тутъ выступаетъ другая,
И свѣтятся звѣзды въ очахъ.

ОТЪ ЗОРЬ КЪ ЗОРЯМЪ.

Въ часъ, какъ въ звонахъ, и свѣтло,
Солнце въ первый разъ взошло,
Чудо-Древо возросло.

Сводъ листвы его широкъ,
Каждый новый день — цвѣтокъ,
Аль — расцвѣтъ, но кратокъ — срокъ.

Въ часъ, какъ Солнце въ первый разъ
Засвѣтилося для насъ,
Вспыхнулъ мракъ, и вновь погасъ.

И отъ свѣта отойдя,
Тучей сталъ, гнѣздомъ дождя,
Бродить, небо бороздя.

Ходить, бродить, часа ждетъ,
Свѣтъ дождь, и сыплеть ледъ,
Снѣгомъ доли обойметъ.

Но, рассыпавъ снѣгъ и градъ,
Дождевой сплетя нарядъ,
Мракъ уходитъ въ пышный садъ.

Садъ — Закать, цвѣтокъ — Востокъ,
Въ каждой зорѣ — уголекъ,
Вѣчень свѣжихъ зорь потокъ.

Зори къ зорямъ — берега,
Изумрудъ морей — луга,
Дождь — живые жемчуга.

Ледъ — сияющій алмазь,
Снѣгъ — опаль, пуховой часъ,
Зори — въ зори вводятъ насъ.

ПЧЕЛЫ.

Пчелы, пчелки золотыя,
Молодыя птички Фей.
Ваши крылышки — литыя,
Изъ серебряныхъ ключей.
Ваше тѣльце — золотое,
Изъ церковнаго цвѣтка.
Разъ въ молитвенномъ покоѣ
Раздавался звонъ стишка, —
Между фейныхъ колоколенъ,
Между маленькихъ церквей,
Шель молебень, богомоленъ,
Голубой молебень Фей.
И отъ духа неземного
Өиміамныхъ тѣхъ кадилъ
Цвѣтъ раскрылся, цвѣтикъ снова,
Цѣлый лѣсъ цвѣточныхъ крылъ.
И одни изъ нихъ остались
На землѣ, среди стеблей.
И другіе закачались
Вдоль серебряныхъ ключей.

Чуть водицей насладились,
Задрожали, гуль пошелъ,—
И въ летучихъ превратились,
Въ фейныхъ птичекъ, въ звонкихъ пчель.

ТКАЧЬ.

Я ткачъ, я напѣвная птица,
Плѣненъ я искусными гнѣздами.
Во всемъ мнѣ желанна зарница,
Вездѣ взнесена мной свѣтлица,
Съ лазурными юными звѣздами.

Я тку золотыя улыбки
На лицахъ еще не цѣлованныхъ,
И ножки мелькаютъ какъ рыбки,
И ручки, воздушны и гибки,
Трепещутъ въ рукахъ заколдованныхъ.

СОЛНЫШКО-ВЕДРЫШКО.

Солнышко-Ведрышко, Красная Дѣвица ходитъ по синему
полю.
Ходитъ по Небу, а смотреть на Землю, хочетъ смѣнить
свою долю.
Будетъ, сказала, мнѣ синяго поля, хочется мнѣ изум-
руда.
Солнышко-Ведрышко съ Неба уходитъ, хочетъ спуститься
оттуда.
Красная Дѣвица сверху нисходитъ, алый сильнѣе ру-
мянецъ.
Воды на Морѣ отъ радости пляшутъ, бѣлый затѣяли
танецъ.

Рощи и доли въ цвѣтахъ золотятся, сердце распѣлось
у птицы.
Красная Дѣвица вся покраснѣлась, къ Ночи готовы —
зарницы.

АЛАЯ ПАРЧА.

Солнышко красное, взгляни изъ-за горы,
Солнышко-ведрышко, мы вышли изъ норы.
Норы намъ зимнія прискучили теперь,
Къ Солнышку хочется, въ Зимѣ разбита дверь.

Видѣло ль, Солнышко, ты Красную Сестру?
Тутъ она румянилась даже ввечеру.
Встрѣтила ль Братика красная Весна?
Зори тутъ нѣжныя пѣстила она.

Видѣло ль, Солнышко, ты Вѣдму-Зиму,
Старую Ягу, возлюбившую тьму?
Увидѣла лютая, что талый есть снѣжокъ,
Стужу собирать пошла, затискала въ мѣшокъ.

Встрѣтила Красную, скорѣй отъ ясной прочь,
Стужу разсыпала, провалилась въ ночь.
Ночь разорвалася, и таетъ на лучѣ,
Ты показалася въ алой намъ парчѣ.

СРѢТЕНЬЕ.

На Срѣтенье встрѣчаются
Двѣ женщины въ лѣсу.
И Солнце расцвѣчается,
Увидя въ двухъ красу.

Двѣ женщины тѣ смѣлыя —
По разному во всемъ.
Одна — какъ птицы бѣлыя,
Другая — цвѣтъ цвѣткомъ.

Чуть двѣ врагини встрѣтятся,—
Въ лѣсу зачнется бой,
И глубь огнемъ отмѣтится
Въ палаткѣ голубой.

Одна врагиня — снѣжная,
Мятели за нее.
Другая — сказка нѣжная,
Цвѣты хранять ее.

И слышны заклинанія
Изъ-за горы — горы.
И долгія стенанія
Кружатся до поры.

Идетъ мятель, свирѣпится,
Другая съ ней мятель.
Да вдругъ къ нимъ цвѣтъ прилѣпится,
Да вдругъ поетъ свирѣль.

Мятели осыпаются,
Какъ вишенье, на льду.
Врагини вновь встрѣчаются,
Подругами — въ саду.

ВОЗНЕСЕНЬЕ.

И рада бѣ Весна вѣковать вѣковушкой,
На святой многолѣсной Руси.
Да придетъ Вознесенье, блеснетъ, и Весна закукуетъ ку-
кушкой,

Запоетъ соловьемъ — и проси не проси,
Зарыдаеть она соловьемъ перелетнымъ,
Улетить.
И куда вознесется въ полетѣ своемъ беззаботномъ,
Мы не знаемъ, но намъ, улетаю, блеснуть,
И роняетъ жемчужное пѣнье,
Гдѣ-то тамъ, вотъ и тутъ.
Всѣ весенніе цвѣтики въ день Вознесенья
Полноцвѣтно цвѣтутъ,
И подъ пѣсню Весны какъ дѣвицы себя наряжаютъ,
Потаемной молитвой на небо ее провожаютъ,
И горять, и горять,
Размышляя, что гдѣ-то небесный есть Садъ.

ОТЪ ПТИЦЫ КЪ ПТИЦѢ.

Ласточка день начинаетъ весенній,
Лѣтнюю ночь завершить соловей.
Пѣнься, мгновенье, будь многопѣннѣй,
Свѣжихъ мгновений намъ, Вѣтеръ, навѣй.

Ранняя ласточка — годъ намъ счастливый,
Слезы зимы до послѣдней доплачь.
Тѣшиться будемъ разливчатой нивой,
Ночью затянетъ скрипящій дергачъ.

Жавронокъ вызвенить пѣсни хрустально,
Скажетъ кукушка, жить много лѣ намъ дней.
Мы приобщимся къ Землѣ изначально,
Въ осень же спросимъ про все — журавлей.

ГODOVAYА BECЪДА.

Какъ у насъ радостны — лѣто и май,
Озимн стелются — словно Дунай,
Ночью прозрачной — воздушно и тихо,
Рожь зацвѣтаетъ, въ посѣвѣ гречиха.

Волосы дыбомъ приподнялъ ячмень,
Шепчутъ овсы, улыбается день,
Лень голубѣеть, всѣ нивы — какъ Море,
Небо съ Землей — въ годовомъ разговорѣ.

ГРЕЧИХА.

Если весною въ лугахъ и въ лѣсу
Много цвѣтовъ голубыхъ,
Пышная будетъ гречиха.
Эту примѣту тебѣ я несу,
Эту примѣту влагаю въ свой стихъ,
Спой колдованья напѣвовъ моихъ,
Спой ихъ молитвенно - тихо.
Синимъ глазкомъ посмотри на лужокъ,
Синій тамъ выглянетъ новый цвѣтокъ.
Въ вешнемъ лѣсу будь самою собой,
Въ грезѣ застынь голубой,
Много тамъ вспыхнетъ цвѣтовъ голубыхъ,
Гдѣ-то медвяно засвѣтитъ гречиха,
Съ нѣжностью лунныхъ расцвѣтовъ своихъ,
Мы же, душою, вдыхать будемъ ихъ,
Тихо такъ, тихо такъ, тихо.

МАЛИНОВКА.

Малиновка, зорька,
Когда ты спозаранка
Летаешь близъ домовъ,
Мы ждать должны громовъ.
Малиновка, малиновка,
Какъ красный отсвѣтъ живъ!
Малиновка, малиновка,
Тоскуетъ море нивъ!
Малиновка, малиновка...

ОГНЕБАГРЯНКА.

Расцвѣла въ лѣсу огнебагрянка,
Цѣлый день сверкаетъ какъ свѣтлянка,
Къ ночи затемняется свѣтлякъ,
И въ ночи онъ пьетъ, листьями, мракъ.

Но едва за гранью кругозора,
Горныя засвѣтятся озера,
Отдаленность воспріявши чаръ,
Вновь живетъ, горитъ цвѣтокъ-пожаръ.

УЗОРНЫЙ САРАФАНЪ.

Осень ходитъ, лѣса расцвѣтила:—
„Я поля въ сарафанъ наряжу“.
А Зима проворчала уныло: —
„Подъ холстину я ихъ положу.“

Вътерокъ пролеталь. Покричали.
А шутникъ цѣлый гуль развернулъ.
„Какъ мнѣ Осень прикажетъ“, вначалѣ,
А потомъ — „Какъ Зима“, онъ шепнулъ.

Завиляль, закрутился, двуличный,
И завель на полгода мятель.
Глянь, грачи, вмѣстѣ съ пташкой различной,
Заплясали тутъ Мартъ и Апрѣль.

Потеплѣли подѣ утро туманы,
Въ сердцѣ сладкою вѣетъ Весной.
И по всей-то Землѣ — сарафаны,
И какой ихъ узоръ — расписной.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО.

Осень обѣщала: „Я озолочу“.
А Зима сказала: „Какъ я захочу“.
А Весна сказала: „Ну-ка, ну, Зима“.
И Весна настала. Всюду кутерьма.

Солнце золотится. Лютикъ — золотой.
Рѣчка серебрится, и шалить водой.
Разлилась на волѣ, залила луга,
Затопила поле, стерла берега.

Тамъ, гдѣ не достала — лютикъ золотой,
Желтый одуванчикъ, будетъ и сѣдой.
Осень обѣщала. Помогла Весна.
Ну, Зима, пропала, хоть была сильна.

БЫЛИНКИ.

Во мнѣ запѣла двойная сказка,
Я слышу въ рошѣ звенящій зовъ.
Зеленоглазка и Синеглазка,
Хрустальность дѣтскихъ двухъ голосовъ.

„Ау!“ кричу я, „Ау!“ зову я,
„Ау!“ двойное звучить въ отвѣтъ.
Къ одной спѣшу я, мечтой цѣлуя,
Бѣглянка скрылась, простылъ и слѣдъ.

Мечтой цѣлуя, къ другой бѣгу я,
И голосъ нѣжный ужъ недалекъ.
Но только стебель глядитъ, колдуя,
И синій гдѣ-то, вдали, цвѣтокъ.

ЛЮБИТЬ.

Какъ сладко и больно любить!
Гдѣ игры хрустального дѣтства?
Гдѣ звонъ, что звучалъ съ малолѣтства?
Гдѣ жемчуга цѣльная нить?
Какъ сладко и больно любить!

Вотъ, гдѣ-то звенить колокольчикъ.
Межъ травъ, гдѣ чуть можно ступить,
Заставленный яствами столъчикъ,
Для Феи звенѣлъ колокольчикъ,
Пропѣлъ голубой колокольчикъ,
Но Феѣ такъ хочется пить...
Какъ сладко и больно любить!

Свѣтлянкѣ такъ хочется пить,
О, какъ же, о, какъ же ей быть?
Шиповникъ ей началъ кропить,
Кропитъ ей медвяныя росы,
И росы упали на косы,
Медвяныя росы на косы...
О, какъ же, о, какъ же ей быть?
Какъ сладко и больно любить!

Примчатся вдругъ бальныя осы,
И Фею начнутъ теревить,
У нихъ перетянуты платья,
И горе на нихъ наступить...
О, какъ же, о, какъ же ей быть?
Какъ сладко и больно любить!

ФЕЯ ВЪ ЛѢСУ.

Фея пошла направо,
Направо въ своемъ лѣсу.
Говорить: „Въ цвѣточкахъ есть слава.
„Кому я ее понесу?“

Фея пошла налѣво,
Налѣво, межъ горъ нѣмыхъ.
Говорить: „Я печальная дѣва“,
„Кому я спою свой стихъ?“

Фея легла на травку,
Глядитъ на сестеръ - березъ.
Слушаетъ птичку - славку,
Роняетъ дождевки слезъ.

Вся какъ синій цвѣточекъ,
Въ голубомъ сіяетъ огнѣ.
Говорить: „Вотъ упалъ листочекъ.
„Только-то? Только-то мнѣ?“

НѢЖНЫЕ.

Свѣтлячокъ и съ нимъ свѣтлянка
Вышли въ рощу спозаранка
И что ночь была вначалѣ,
Чуть сіяя, означали.
Свѣтлячокъ и съ нимъ свѣтлянка
Вышли въ рощу спозаранка,
И къ росѣ, въ травѣ, припали,
И въ опалѣ засыпали.
Но свѣтлянка прошептала:
„Мы свѣтились слишкомъ мало,
Свѣтлячокъ ты мой сударикъ,
Разожги скорѣй фонарикъ“.
Какъ сіяющая ранка,
Разгоралася свѣтлянка,
И, сіяя, лепетала:
„Мы свѣтились слишкомъ мало“.
Свѣтлячокъ повиновался,
Расцвѣчался, разгорался,
И, сіяя въ свѣтломъ тѣлѣ,
Оба нѣжные сгорѣли.

ПОДРУГА.

У меня была подруга,
Мѣсто выбрала близъ луга,
Тамъ построила домокъ,
Очень свѣтлый теремокъ.

Хмѣлемъ дверь свою укрыла,
И, хмѣлѣя, говорила:
„Приходи ко мнѣ, дружокъ,
Въ мой веселый теремокъ“.

Лугъ былъ ярче изумруда,
Свѣтъ къ намъ нѣжный шелъ оттуда,
И отъ вишенъ шелъ снѣжокъ,
И съ подругой былъ дружокъ.

Тонкій бисеръ нанизался,
Поясъ легкій развязался,
И упали жемчуга
Въ изумленные луга.

ПОЙ.

Она сказала: „Пой“.
И тотчасъ я запѣлъ.
Былъ сумракъ голубой.
И ликъ Луны былъ бѣлъ.

И верескъ - аметистъ
Лиловѣлъ вдоль пути.
Она была какъ листь.
И я пропѣлъ: „Лети“.

ЗВѢЗДА ВЕЧЕРНЯЯ.

1.

Она была мечтой одѣта,
Свѣтилась въ новолунныхъ снахъ,
И въ мѣрной зыби менуэта
Плыла какъ лебедь на волнахъ.

Вся въ кружевахъ, какъ лебедь черный,
Съ его узорностью крыла.
А въ тотъ же часъ, въ выси надгорной,
Звѣзда Вечерняя плыла.

2.

Она была изъ Вальтеръ-Скота,
Она была и въ этихъ дняхъ.
И въ зыби мѣрнаго гавота
Плыла какъ лебедь на волнахъ.

Вся въ кружевахъ, какъ лебедь черный,
Съ его узорностью крыла.
А въ тотъ же часъ, въ выси надгорной,
Звѣзда Вечерняя плыла.

3.

Она была изъ сказокъ свѣта,
Изъ сказокъ сумрака въ лучахъ.
И какъ зима вступаетъ въ лѣто,
Вступила въ вальсъ, кружилась въ снахъ.

Вся въ кружевахъ, какъ лебедь черный,
Съ его узорностью крыла.
А въ тотъ же часъ, за мѣръ надгорный,
Звѣзда Вечерняя зашла.

НОЧЬ НАСТУПАЕТЪ.

Ночь наступаетъ, и сердце свободнѣй.
Если бы ночь продолжалась года.
Если бъ во тьмѣ мы сходили со сходней,
И восходили опять на суда.

Если бь мыплы по морю густому,
Черному,— зная, что вѣренъ нашъ путь.
Мы бы съ тобой позабыли истому.
Это и ждетъ насъ. Уже. Гдѣ-нибудь.

ПСАЛОМЪ НОЧНОЙ.

Домъ мечтаній начальныхъ,
Сномъ окутанъ ночнымъ.
Псаломъ надеждъ погребальныхъ
Поемъ мы, и всходитъ дымъ.

Гумна убиты цѣпами,
Шумный окончился день.
Безшумная ночь надъ полями.
Сумракъ, духъ мой одѣнь.

ВЪ ЗАРЕВѢ ЗОРЬ.

Съ сердцемъ ли споришь ты? Милая! Милая!
Съ тѣмъ, что пѣвуче и нѣжно, не спорь.
Сердце я. Греза я. Воля я. Сила я.
Вмѣстѣ одѣнемся въ зарево зорь.

Вмѣстѣ мы встрѣтили свѣты начальные,
Вмѣстѣ одѣнемся въ черный покровъ.
Но не печальные, будемъ зеркальные
Въ заревѣ зорномъ мерцающихъ сновъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЗАРЯ.

Я вижу свѣтъ моей зари послѣдней.
Она вдали широко разлилась.
Безгласный звонъ. Мольбы цвѣтной обѣдни.
Псалмы лучей. Предвозвѣщенный часъ.

И служба дня смѣняется вечерней.
Встаетъ Луна, и паутинить нить.
Чтобы душѣ, гдѣ пытки — равномѣрнѣй,
Для всеобщей смиряющей свѣтить.

ДВОЙНАЯ ПЕРЕВЯЗЬ.

Я вѣрю въ свѣтлое начало,
И знаю правду темноты.
Во мракѣ Ночь меня качала,
Чтобъ Дню я показалъ цвѣты.

СУТКИ.

Тикъ-такъ,
Тики-такъ,
Свѣтъ да Мракъ, и День да Ночь.
Тикъ-такъ,
Свѣтъ да Мракъ,
День да Ночь, и Сутки прочь.

Тикъ-такъ,
Ты — слѣпень,
Ты есть Ночь, а я есть День.
Тикъ-такъ,
Не пророчь,
Я всезрячая, я Ночь.

Тикъ-такъ,
Мертвый мракъ,
Гробъ и заступъ, вотъ твой знакъ.
Тикъ-такъ,
Темнота —
Путь для цвѣта и листа.

Тикъ-такъ,
Все же я,
Значить, я для бытія.
Тикъ-такъ,
Свѣтъ хорошъ,
Все же ты во мнѣ уснешь.

Тикъ-такъ,
Мы качель,
Вправо, влѣво колыбель.
Тикъ-такъ,
Тики-такъ,
Неужель могила цѣль?

Тикъ-такъ,
Не пойму,
Въ свѣтъ идемъ мы или въ тьму?
Тикъ-такъ,
Тики-такъ,
Свѣтъ и тьму я обниму.

Тикъ-такъ,
Тики-такъ,
Сѣйте ленъ и сѣйте макъ.
Тикъ-такъ,
День да Ночь,
День да Ночь, и Сутки прочь.

КОСТЕРЪ.

КОСТЕРЪ.

Дымно - огненный туманъ
Былъ основой Міру данъ.
Изъ туманнаго Огня
Жизнь возникла для меня.

Солнце въ атомъ заключивъ,
Я упалъ на горный срывъ,
Выросъ, крылья распростеръ,
И зажегъ надъ тьмой костеръ.

Мой костеръ на высотъ,
На верховной онъ чертѣ.
И вошли въ его объемъ
Вѣтеръ, молнія, и громъ.

ТИГЕЛЬ.

Себя я бросилъ въ тигель,
Давно — давно — давно,
Я лѣсомъ тонкихъ иголь
Себя пронзилъ — пронзилъ,

До истощенья силъ,
До завершенья мукъ,
До повторенья мукъ,
Средь бѣсноватыхъ рукъ.

Среди рукоплесканій,
Еще — еще — еще,
Въ играющемъ туманѣ
Огонь горитъ — горитъ,

И камень маргаритъ
Пустынѣ міровой
Поетъ, стена: „Я твой!
„Возьми меня! Я твой!“

ОСТРІЕ.

Я жизнью и смертью играю.
Прохожу по блестящему краю.
Остріе.
И не знаю, кого погублю я,
Ту, кого обожаю, цѣлюя,
Или сердце мое.

Вотъ порвется. Такъ бьется, такъ бьется.
А она, наклонясь, смѣется.
Говоритъ:
Что съ тобой? Ты бѣжалъ очень скоро?
Ты боишься — за что-то — укора?
Тутъ — немножко — болитъ?

Я знаю разъятую рану.
Прикоснись же. Мѣшать я не стану.
Все стерплю.
Только помни, пока повторяю.
Только вѣрь мнѣ, пока я сгораю.
Я люблю. Я люблю.

ВЫБОРЪ.

Коль не извѣдалъ ты вершинъ
Самозабывшагося чувства, —
Коль не узналъ ты, что Искусство,
Самодержавный властелинъ,
Тебѣ сказало: „Будь одинъ,
Отъединеннымъ, силой чувства,
Отъ топей, гатей, и плотинъ!“ —
Коль не узналъ ты, что считаютъ
Вѣками время въ ледникахъ,
Что высн горныя не таютъ
И знаютъ только снѣжный прахъ, —
Тогда свой бѣглый часъ извѣдай,
Упейся легкимъ торжествомъ,
А я надъ дольною побѣдой
Не уроню свой вышній громъ, —
Его оставлю я для взора
Того, кто можетъ быть — одинъ,
Внѣ словъ хвалы и пѣны спора,
Въ огняхъ нездѣшняго убора,
Средь молній, пропастей, и льдинъ.

МОРСКОЙ.

Былъ свѣтель, — и загашенъ какъ свѣча.
Былъ кротокъ, — и сожженъ мой домъ надъ бездной.
Приди же, тьма, и царствіе меча,
Вскипай, душа, для музыки желѣзной.

Я сдѣлаюсь разбойникомъ морей,
Чтобы топить чужіе караваны
Червленихъ, синихъ, черныхъ кораблей,
Когда они войдутъ въ мои туманы.

УДЪЛЪ.

Я не планета. Судьбы — свиты.
И въ безднахъ Неба, навсегда,
Я лишь комета безъ орбиты,
Я лишь падучая звѣзда.

ИЗВИВЪ.

Онъ правъ, напѣвъ мертвящій твой,
Но слишкомъ онъ размѣренъ, —
Затѣмъ что мысли ходъ живой,
Какъ очеркъ тучки кочевой,
Всегда чуть-чуть невѣренъ.
Когда грамматика пьяна
Безъ нарушенья мѣры, —
Душа какъ вихремъ взнесена,
Въ тѣ призрачныя сферы,
Гдѣ въ пляскѣ всѣ размѣры, —
Гдѣ звонко бьются въ берега,
Переплетаясь, жемчуга,
Сорвавшіеся съ нитей, —
И взоръ твой, млѣя и свѣтясь,
Слѣдитъ, какъ въ этотъ звѣздный часъ,
Плыветъ предъ ликомъ Бога
Вся Млечная дорога.

ПЕЧАЛЬ.

Сквозь тонкіе сосновые стволы
Парча недогорѣвшаго заката.
Среди морей вечерней полумглы
Нагрѣтая смолистость аромата.

И море водъ, текучій Океанъ,
Безъ устали шумить, взрощая дюны.
О, сколько дней! О, сколько стертыхъ странъ!
Звучите, несмолкающія струны!

ШОРОХИ.

Шорохъ стеблей, еле слышно шуршащихъ,
Четкое въ чащахъ чириканье птицъ,
Сказка о дѣвахъ, въ заклѣтїи спящихъ,
Шелестъ сѣдыхъ обветшавшихъ страницъ.
Лепетъ криницы въ лѣсистомъ просторѣ,
Сонныя воды безшумныхъ озеръ,
Взоры и взоры, въ нѣмомъ разговорѣ, —
Чей это, чей это, чей это хоръ?

Не узнаешь,
Не поймешь,
Это волны,
Или рожь.
Это лѣсъ,
Или камышъ,
Иль съ небесъ
Струится тишь.
Или кто-то
Точитъ ножъ.
Не узнаешь,
Не поймешь.
Видны взоры,
Взоръ во взоръ,
Слышно споры,
Разговоръ.
Слышны вздохи,
Да и нѣтъ,

Въ сѣромъ мохѣ
Алый цвѣтъ.
Таесть. Таешь?
Что жь ты? Что жь?
Не узнаешь,
Не поймешь.

ИЗЪ-ЗА БѢЛАГО ЗАБОРА.

Изъ за бѣлаго забора
Злыхъ зубовъ,
Въ перекличкѣ разговора
Двухъ вскипающихъ враговъ,
Изъ великаго ума,
Гдѣ вѣнчались свѣтъ и тьма,
Изо рта, который пилъ
Влагу вѣщей бездны силъ,
Изъ цѣлованнаго рта,
Гдѣ дышала красота,
Изъ-за бѣлаго забора
Злыхъ смѣявшихся зубовъ,
Я слышалъ хохотъ хора,
Быстрыхъ маленькихъ враговъ,
Это были стаи вспышекъ,
Это были сотни стрѣлъ,
Я молчалъ, но вотъ — излишекъ,
Не сдержался, полетѣлъ,
На безчисленность укора
Выслалъ рой язвящихъ словъ,
Въ джигитовкѣ разговора,
Въ степи вольной отъ оковъ.

ЛѢСЪ ВИДИТЬ.

Лѣсъ видитъ, поле слышитъ,
Въ пути пройденномъ—слѣдъ,
Словами вѣтеръ дышетъ,
Успокоенья нѣтъ.

Въ лѣсу сошлись двое,
И взоръ глядѣлъ во взоръ,
А Небо голубое
Глядѣло въ тайный споръ.

И лѣсъ глядѣлъ вѣтвями,
Стволами, и листвою,
И слушалъ, а полями
Шель вѣтеръ круговой.

Въ лѣсу былъ пиръ цвѣтенья,
Вся алость красоты,
И стали чрезъ мгновенье
Еще алѣй цвѣты.

И лѣсъ шуршалъ вѣтвями,
И говорилъ листвою,
И видѣлъ, а полями
Шель вѣтеръ круговой.

Въ лѣсу сошлись двое,
А вышелъ только я,
Свершилось роковое,
Кровавится струя.

Лѣсъ видѣлъ, въ полѣ пѣнье,
Не смыть водой всѣхъ рѣкъ,
Свершившій убійство
Есть проклятый во-вѣкъ.

ПРОКЛЯТИЕ.

Я на тебя нашлю проклятья. Ихъ пять. Слѣдятъ и мстятъ.
Туманъ, пожаръ, горячій вѣтеръ, ночная тьма, и ядъ.
Иззябнешь, вспыхнешь, распалишься, чрезмѣрно вкусишь

мглы,

И будешь чернымъ-чернымъ углемъ въ цѣпяхъ сѣдой золы.
Изъ угля станешь брилліантомъ и будешь на рукѣ,
И будешь замкнуть въ мертвомъ блескѣ, живой, въ нѣ-
мой тоскѣ.

И будешь властнымъ талисманомъ, чтобъ возбудить любовь,
Въ другомъ къ твоей—къ твоей, съ которой не будешь
счастливъ вновь.

И весь отравленъ тусклою страстью, ты замутишь свой свѣтъ,
И та рука швырнетъ свой перстень, сказавши: „Больше
нѣтъ“.

ОТЪ ВОЛЧЦА.

Свѣжій вѣтеръ надъ волчцами,
И вѣдовскій часъ.

Подъ холмами, взятый мглами,
Лунный обликъ надъ волнами,
Словно страшный желтый глазъ.

Гладью облачной лагуны
Лунный шаръ скользить.

Звонче, громче въ сердцѣ струны,
Гряньте, грозные буруны,
Царствуй, гнѣвный драконить.

СОМОСОЖЖЕНІЕ.

Я сидѣлъ въ саду осеннемъ и глядѣлъ на красный листь,
Небо было въ часъ заката какъ зажженный аметистъ,
Листья были завершеньемъ страстныхъ миговъ пронзены,
Осень выявила краски, что скрывались въ дни весны.

Изумрудъ, что нѣжно чувству, мѣля въ Маѣ, пѣль: „Усни“,
Сталь карбункуломъ зловѣщимъ и горѣнемъ головни,
Нѣжность золота съ эмалью, въ расцвѣтаньи лепестковъ,
Стала желто-красной мѣдью, красной мглой въ глазахъ
враговъ.

И пока я былъ окованъ волхвованіемъ листа,
Цѣлый міръ воспламенился, тлѣла заревомъ мечта,
Угли множа, въ красныхъ дѣмахъ, міръ явился какъ по-
жаръ,

Онъ сжигалъ себя, сознавши, что, изживъ себя, онъ старъ.

ПОЖАРИЩЕ.

Пожарище застыло. Дордѣлъ рѣшенный часъ.
Сгорѣлъ огонь всѣхъ красокъ, и красный цвѣтъ погасъ.
Малиновые звоны осеннихъ похоронъ.
Допѣли. Догудѣли. Спустился сѣрый сонъ.

Набать кричащихъ красокъ смѣнился мертвой мглой.
Затянуть міръ застылымъ безглазою золой.
Истлѣли зори лѣта. Часъ филина. Гляди.
Горять два злыя ока. Глядятъ. Не подходи.

ИСКРЫ.

Я досталъ изъ кремня
Двѣ-три искры огня,
Уронилъ я ихъ въ трутъ,
Вотъ, горять, и поютъ.

Огневзорный возникъ
Надъ лучинами ликъ,
И рождаетъ дрова
Огневья слова.

И течеть, просвѣтлѣвъ,
Огнѣметный напѣвъ,
Не поможетъ вода,
Мой костеръ—города.

КЛЯТВА.

Я даю себѣ клятву священную
Любить самого себя.
Возвращаюсь въ святыню свою незабвенную
Хранить свой ликъ, не дробя.

Много разъ я себя отдавалъ на растерзаніе,
Я себя предавалъ для другихъ.
Встанеть объ этомъ когда-нибудь сѣдое сказаніе.
Но плющъ на сѣдой стѣнѣ струится какъ юный стихъ.

Мой ликъ закрѣпленъ въ долгодневности.
Проснетъ подъ камнемъ змѣя.
Но праздникъ цвѣтовъ такъ новъ и такъ свѣжъ въ ихъ
напѣвности.
Всѣ цвѣты и цвѣта говорятъ: „Это—я. Это—я. Это—я“.

ВОДИТЕЛЬСТВО.

Водительство... Родительство... Созвѣздья... Луны... Боги...
Водительство... Мучительство... Зубчатые пороги...
Едва ты въ воду кинешься, помчитъ твою ладью,
На камни опрокинешься... И все же—я пою.

Водительство вѣнчанное Родителя, Друида,
Есть таинство желанное, здѣсь рабство—не обида.
Глаза—въ глаза. Гряди, гроза. Подъятый мечъ пою.
Луна, Звѣзда, и Щитъ Златой. Берите кровь мою.

ОТЪ СКАЛЫ ДО СКАЛЫ.

Отъ скалы и до скалы,
Гдѣ проносятся орлы,
Высоко въ сосѣдствѣ звѣздъ,
Протянулся тонкій мостъ.

Эта жердочка тонка,
Отъ равнины далека,
И ведетъ отъ Красныхъ Горъ
Къ глади Матовыхъ озеръ.

Къ озаренью жемчуговъ,
Въ мѣръ существъ, гдѣ нѣтъ враговъ,
Къ возсіянью вышины,
Въ замокъ Солнца и Луны.

Трудно къ жердочкѣ дойти,
Страшны срывности пути,
Но во сколько разъ труднѣй
Перейти въ просторъ по ней.

НЕ ВЪ ЭТИ ДНИ.

Не въ эти дни вечеровые
Паденья капель дождевыхъ,—
Не въ эти дни полуживые,
Когда мы душу прячемъ въ стихъ,
Чтобъ озарить себя самихъ,—
О, нѣтъ, тогда, когда впервые,
Какъ капли жаркаго дождя,
Струились звѣзды, нисходя
На доли Неба голубые,—

Тогда, какъ въ первый разъ, въ ночи,
Средь звѣздъ, какъ межъ снѣжинокъ—льдина,
Жерло могучаго Рубина,
Соткавъ кровавые лучи,
Окружность Солнца-Исполина
Взметнуло въ вышній небосклонъ,
И Хаосъ древній былъ пронзенъ,—
Тогда, какъ рушащiе громы,
Бросая миллионный слѣдъ,
Качали новыя хоромы,
Гдѣ длился ливнемъ самоцвѣтъ,
И свѣтъ былъ звукъ, и звукъ былъ свѣтъ,—
Тогда, Тебя, кого люблю я,
Съ кѣмъ Я мое—навѣкъ сплелось,
Взнести хотѣлъ бы на утесъ,
Въ струяхъ разметанныхъ волосъ,
Яря, качая, и волнуя,
Тебя, касаньемъ поцѣлуя,
Сгорая, сжегъ бы въ блескѣ грозъ.

ХОРОМЫ.

Я давно замкнулъ себя въ хоромы,
Отдѣливъ удѣлъ свой отъ людей.
Я замкнулъ съ собой огонь и громы,
И горитъ цвѣтной костеръ страстей.

Я давно избралъ себѣ въ Пустынѣ
Голубой оазисъ островной.
И годами нѣжу въ немъ, донинѣ,
Цвѣтъ, мнѣ данный Солнцемъ и Луной.

Я исполненъ Солнечною кровью,
И любимъ я влажною Луной.
Кругодни я начинаю новью,
Межъ стеблей лелѣя цвѣтъ дневной.

Этотъ цвѣтъ подобенъ рдяной чашѣ,
Золотые у нея края.
Влей вино,—оно свѣтлѣй и краше,
Слиты двое здѣсь: не я и я.

Все, что ни придетъ изъ-за Пустыни,
Что достигнетъ звономъ изо-внѣ,
Я качаю въ чашѣ злато-синей,
Цѣпи звуковъ замкнуты во мнѣ.

И пока негаснущiй румянецъ
Стелется по синей высотѣ,
Въ мировой вхожу я стройный танецъ,
Пляской звѣздъ кончая въ темнотѣ.

ДВА ДАРА.

Тѣлу звѣриному—красное,
Зеленое—тѣлу растенiя.
Пойте свѣченъе согласное,
Жизнь, это счастье пѣнiя.
Звѣрю—горячiй рубинъ,
Изумруды—побѣгамъ долинъ.
Кровь сокровенна звѣриная,
Страшная, быстрая, жгучая,
Львиная или орлиная,
Празднуеть, въ праздникъ—мучая.

Слитность законченныхъ рѣкъ,
Кровью живетъ человѣкъ.
Кровь огнескрыта растенія,
Стебли какъ будто безкровныя.
Правда ль? А праздникъ цвѣтенія?
Зорность? Одежды любовныя?
Это напѣвная кровь
Въ весны одѣлася вновь.
Двѣ разноблещущихъ цѣльности,
Два разноцвѣтныхъ сіянія,
Царствуютъ, въ мѣрѣ, въ отдѣльности,
Все же дано имъ сліяніе.
Глянь, надъ мерцаньемъ цвѣтковъ,
Въ жерла тигриныхъ зрачковъ.
Въ звѣрѣ, глаза раскрывающемъ,
Пламя зеленое свѣтится.
Въ стеблѣ, влюбленность внушающемъ,
Замысль розой отмѣтится.

МЕТЕОРЪ.

Зеленоватый метеоръ
Упалъ среди небесъ.
Межъ тѣмъ лазоревый просторъ
Еще алѣлъ надъ чернью горъ,
И свѣтъ въ немъ не исчезъ.
Онъ былъ какъ быстрый изумрудъ,
Нисброшенный съ высотъ.
Блеснулъ вонъ тамъ, мелькнулъ вонъ тутъ,
И вотъ упалъ, какъ въ нѣкій прудъ,
За тучею оплотъ.

А я смотрѣлъ на мѣръ внизу,
Внесенный до стремнинъ.
А часъ, мѣняя бирюзу,
Готовилъ къ полночи грозу,
Пока я былъ — одинъ.

ГІЕРОГЛИФЫ ЗВѢЗДЪ.

Я по ночамъ вникалъ въ гіероглифы звѣздъ,
Въ тѣ свитки пламеней въ высотахъ совершенныхъ.
Но нѣмы ихъ слова. И духъ, въ томленьяхъ плѣнныхъ,
Не перекинетъ къ нимъ, ихъ достающій, мостъ.

Ихъ повѣсть явственна и четко различима,
Но духъ въ нихъ не найдетъ возжажданный отвѣтъ.
На всѣ мои мольбы они отвѣтятъ: „Нѣтъ“.
Промолвятъ: „Мигъ живи, какъ смѣсь огня и дыма.“

„Гори. Еще гори, покуда не сгоришь.
Когда же догоритъ лампада золотая,
Созвѣздье между звѣздъ, взнесешься ты, блистая,
Узнавши звѣздную, въ провалахъ Ночи, тишь.“

„Но, если ты душой ненасытимо жгучей
Возжаждалъ то продлить, что длиться мигъ должно,
Ты камнемъ рушишься на міровое дно,
Созвѣздиемъ не ставъ, сгоришь звѣздой падучей.“

ДАЙ МНѢ ВИНА.

Небо, быть можетъ, и можетъ, но Небо отвѣтить не хо-
четъ,
Не можетъ сказать Человѣкъ ничего.
Сердце слѣпое безумствуетъ, молить, провидить, про-
рочить,
Кровью оно обливается, бьется—зачѣмъ? Для кого?—
Все для тебя, о, любовь,
Красный мнѣ пиръ приготовь.
Рощи мнѣ розъ расцвѣти, въ этихъ пропастяхъ мерт-
во-синихъ,
Между жемчужностей зорь, и межъ хрусталами дождей,
Краснаго дай мнѣ вина, перелившейся крови испей,
Вмѣстѣ сверкнемъ, пропоемъ, и потонемъ какъ тѣни въ
пустыняхъ.

ЦѢПИ.

Лишь цѣпи взявъ, и окрутившись ими,—
Такъ свить удавъ, по дереву, кругомъ,—
Я вижу міръ—какъ въ нѣкомъ дальнемъ дымѣ,
И я живу—моимъ стозарнымъ сномъ.

Но цѣпи тѣ я принялъ добровольно,
И радостенъ душѣ глухой ихъ звонъ.
Привѣтъ тюремѣ. Очамъ раскрытымъ больно:—
Такъ свѣтеть мой безмѣрный небосклонъ.

ЦВѢТОЧНЫЙ СОНЪ.

ВѢНЧАЛЬНЫЙ ЧАСТЬ.

Какъ свѣтлыя невѣсты, убрались всѣ деревья.
Вонъ вишня, слива, яблонь, ихъ цѣлыя кочевья.

Среди невѣсть брожу я, а сердце млѣть, рдѣть.
Вдали, зажженный Солнцемъ, испанскій дрокъ желтѣть.

И вотъ я наклоняюсь къ одной невѣстѣ, бѣлой.
Красивую цѣлую, влюбленный и несмѣлый.

И предъ другой склоняюсь, учтивый какъ Испанецъ.
Медлительно цѣлую дѣвическій румянецъ.

И съ ними я вѣнчаюсь, избралъ любовь закономъ.
А шмель, звонарь садовый, гудитъ протяжнымъ звономъ.

СОЛНЦЕ.

Это Солнце вызываетъ всѣ растенья къ высотѣ,
Ихъ уча, что вотъ и Солнцу къ вышней хочется чертѣ.

Златокрайностью пронзая сонъ сцѣпляющихъ темнотъ,
Солнце всходитъ, мысль золотая, на лазурный небосводъ.

На пути дугообразномъ расцвѣчаясь въ силѣ чаръ,
Солнце тайно разжигаетъ жизнетворческій пожаръ.

Зажигаеть состязанье, быть различными маня,
Поелику въ ликѣ Солнца — семицвѣтный ликъ Огня.

Оттого у всѣхъ отвѣтныхъ солнцесвѣтныхъ лепестковъ
Такъ различествуеть сказка красокъ, запаховъ, и сновъ.

Влажный лютикъ, нѣжность-роза дышугъ солнечной
мечтой,
Это красная амфора и бубенчикъ золотой.

Дѣва лилія и ландышъ—отраженья облаковъ,
Это—чаша причащенья, пузырьки для духовъ.

Незабудка, глазъ фіалки, колокольчикъ, звѣробой
Небу молятся, затѣмъ что Солнце—въ безднѣ голубой.

Образъ змѣя, орхидея, раскрываеть страстный ротъ,
Ибо Солнцемъ кровь согрѣта, поцѣлуй—души полеть.

И еще, еще, и много кругообрисовъ-цвѣтовъ,
Ибо Солнце кругъ свершило до закатныхъ береговъ.

Опустилось, исчезая, къ аметистовой чертѣ,
Чтобъ звѣздистыя сирени въ ночь дышали темнотѣ.

ВАНДИНЫ.

Выплывая изъ топели,
Дѣвы-Водницы, Вандины,
Проскользають хороводомъ,
Возлѣ клена, подѣ Луной.
Вьются нити изъ кудели,
Нѣжность тѣлѣ бѣлѣй холстины,
Небо синимъ смотритъ сводомъ,
Надъ водой туманъ ночной.

Въ очи глянь. Дрожитъ глубоко
Въ тѣхъ глазахъ изнеможенье,
Пали волосы на плечи,
Каждый волосъ—какъ струна.
Слышенъ звонъ, какъ бы далеко
Наростающее пѣнье,
Удивительныя рѣчи,
Разомкнулась тишина.

Подходите, вейте нити,
Въ сердцѣ Водницъ—влага счастья,
Духъ Вандины—словно воды,
Ярче тайный разговоръ.
Въ легкой пляскѣ потоните
Свѣтъ узнайте соучастья,
Вовлекитесь въ хороводы,
Хорошо на днѣ озеръ.

СВЕРШИЛОСЬ.

Свершилось. За музыкой взгляда
Тебя я, Сибилла, цѣлую.
Блѣднѣешь. Ты въ страхѣ? Не надо.
Мы празднуемъ Вѣчность живую.

Священны мои поцѣлуй,
Какъ лучъ на цвѣтахъ олеандра,
Священны, какъ вѣщія струи
Идущаго въ вѣчность Скамандра.

ПЧЕЛЪ.

Журчат водометы,
Въ нихъ капель полеть:
Завѣтныя соты
Лелѣютъ свой медъ.

Залить шестигранный
Чуть-чуточный жбанъ.
И пьянностью странной
Медвяно я пьянъ.

Мой мѣсяць медовый,
Вѣнчанье съ душой.
Я новый, я новый,
О, пчелка, я твой.

МИРРА.

Мнѣ чудится, что ты, въ одеждѣ духовъ свѣта,
Витаешь гдѣ-то тамъ, высоко надъ Землей,
Передъ тобой твоя лазурная планета,
И алыя вдали горять за дымной мглой.

Ты вся была полна любви невыразимой,
Неуголенности, какъ Сафо оныхъ дней, —
Не можеть съ любящимъ здѣсь слитнымъ быть любимый,
И рѣдки встрѣчи душъ при встрѣчѣ двухъ людей.

Но ты, пѣвучая, съ устами - лепестками,
Съ глазами страстными, въ дрожащей мглѣ рѣсницъ,
Какъ ты умѣла быть нездѣшной между нами,
Давала ощущать крылатость вольныхъ птицъ.

Любить въ любви какъ ты, такъ странно-отрѣшенно,
Смѣшавъ змнью страсть съ сіяньемъ сверхземнымъ,
Лаская быть какъ ты, быть любящимъ бездонно
Сумѣлъ бы лишь — сюда сошедшій — серафимъ.

Но на Землѣ живя, ты Землю вся любила,
Не мертвой ты была, во снѣ, хоть наяву.
Не въ жизненныхъ цѣпяхъ была живая сила,
Но возлѣ губъ дрожаль восторгъ: „Живу! Живу!“

И шествуя теперь, какъ духъ, въ лазурныхъ долахъ,
Волнуешь странно ты глядящій хоръ тѣней,
Ты даже тамъ идешь съ гирляндой розъ веселыхъ,
И алость губъ твоихъ въ той мглѣ всего нѣжнѣй.

ТОСКА СТЕПЕЙ.

(Полонянка степей Половецкихъ.)

Звукъ зурны звенить, звенить, звенить, звенить,
Звонъ стеблей, ковыль, поеть, поеть, поеть,
Серпъ время горить, сквозь сонъ, горить, горить,
Слезный стонъ ростеть, ростеть, рбстеть, ростеть.

Даль степей, не мигъ, не часъ, не день, не годъ,
Ширь степей, но нѣтъ, но нѣтъ, но нѣтъ путей,
Тьма ночей, нѣмой, нѣмой тотъ звѣздный сводъ,
Ровность дней, въ нихъ зовъ, но чей, но чей, но чей?

Мать, отецъ, гдѣ всѣ, гдѣ всѣ — семьи моей?
Сонъ весны — блеснулъ, но спить, но спить, но спить,
Даль зоветь, за ней, зоветь, за ней, за ней,
Звукъ зурны звенить, звенить, звенить, звенить.

БЪЛИЗНА. ✓

Отъ бѣлизны снѣговъ,
Далекихъ, нetaющихъ,
Отъ вышнихъ облаковъ,
Къ Лунѣ ускользающихъ,
Отъ граней спящихъ горъ,
Съ нѣмыми вершинами,
Отъ скованныхъ озеръ,
Затянутыхъ льдинами,
Отъ чашечекъ цвѣтковъ,
Бальзамъ надъ усилями,
Отъ бѣлыхъ мотыльковъ,
Съ дрожащими крыльями,
Уйдя за горный склонъ,
Упавши снѣжинкою,
Къ тебѣ я устремленъ,
Чуть зримой пушинкою,
Къ тебѣ я устремленъ,
Какъ греза несмѣлая,
Въ дѣвическій твой сонъ,
О, нѣжная, бѣлая.

ГОЛУБОЙ СТИШОКЪ.

Василекъ во ржи,
Почему, скажи,
Межъ колосьевъ золотыхъ,
Голубой поешь ты стихъ?

Туть и тамъ цвѣтокъ,
Словно риѣма строкъ,
Мѣсто вѣрно заступая,
Свѣтитъ риѣма голубая.

Василекъ взглянулъ,
Мнѣ шепнулъ — блеснулъ:
Каждый колось служитъ хлѣбу,
Василечекъ — только Небу.

Василекъ былъ смѣль,
Голубѣль и пѣль:
Нива только мной богата,
Я — лазурь на морѣ злата.

СТРОЙНОСТЬ ЛИНИЙ.

Стройность линий и гармонию
Я люблю.
Травы въ нѣжномъ благовоиіи
Окроплю.
Волны вышнія ээирности
Я люблю.
Новолунности и пирности
Въ ласкахъ длю.
Быть въ весенней затѣненности
Я люблю.
Я влюблюсь въ цвѣтокъ влюбленности,
И влюблю.

ЛЕБЯЖІЙ ПУХЪ.

Таишь ты мысли, — но даже вслухъ
Когда ихъ мѣлвишь, твои слова
Какъ надъ волною лебязій пухъ,
Какъ подъ Луною ковыль-трава.

ВЪ ТИХИХЪ ГОРНИЦАХЪ.

Ты свѣтишься всегда такъ равномерно - ясно,
Но этотъ ровный свѣтъ не оттого такъ тихъ,
Что сердце у тебя безмолвствуетъ безгласно,
А оттого, что въ немъ поетъ безсмертный стихъ.

Его ты слышала въ младенческія зори,
Когда привязанъ былъ челнокъ твой къ кораблю,
Его ты слышала въ надмірномъ разговорѣ,
Когда я прошепталъ, и услыхалъ, „Люблю“.

И будешь ты горѣть, безгласная лампада,
Но не въ безжизненномъ тоскующихъ гробницъ,
А въ тихихъ горницахъ, гдѣ сердце мыслить радо,
Что много вѣдало, когда-то, нѣжныхъ лицъ.

И между нихъ одно взнеслось надъ мглой теченья,
Мигъ единенія — навѣки былъ пѣвучъ,
И слово, полное безсмертнаго значенья,
Все держитъ свой прямой ненарушимый лучъ.

ЛИЛІЯ.

Когда бы знала бѣлая лилія,
Что, цвѣтя такъ истомно надъ зеркаломъ струй,
Она вызываетъ безволие безсилія,
Лишь внушая жажду, не давая поцѣлуй, —

Когда бы знала, какъ, терзая и мучая,
Подвижная, влажная, мѣняетъ зеркала,
Быть можетъ, она бы, эта греза пѣвучая,
Надъ рѣкой не цвѣла.

ДВА ЦВѢТКА.

Я взглянулъ, я съ высокой взглянулъ высоты,
Но меня не замѣтила ты.

Я далеко, на взгорьи пустынномъ, стоялъ,
Твой цвѣтокъ жизнеюный былъ — аль.

Я взглянулъ, изъ глубокой взглянулъ глубины,
Ты была на свиданьяхъ Весны.

До свиданій дойти я не могъ, не хотѣлъ,
Твой цвѣтокъ былъ — загадочно-бѣлъ.

Я взглянулъ, я съ тобою стоялъ наравнѣ,
Надъ затономъ, съ тоской о Веснѣ.

И прильнувъ къ лепесткамъ, цѣловалъ я цвѣты,
Но меня не увидѣла ты.

А теперь — а теперь я узналъ два цвѣтка,
Въ нихъ сверкаютъ любовь и тоска.

Я какъ въ сказкѣ заснулъ, съ плѣнной птицей въ груди.
Пусть поетъ. Подожди. Не буди.

Я, ТЫ.

— Куда ты его проводила?
Зачѣмъ ты съ нимъ не пошла?
— Луна въ село мнѣ свѣтила,
Свѣтила ему изъ села.
— Куда жъ ты его провожала?
— До околицы вмѣстѣ шли.
Мнѣ ночь цвѣтами дышала,
Ему звѣздами вдали.
— А послѣ? — Ночь побѣлѣла.

На погостѣ рвала я цвѣты.
Онѣ пошелъ, усмѣхнулся несмѣло.
Я — я, говоритъ, а ты — ты.

ЛѢСНАЯ.

Годами, вѣтрами • измятыя сосны въ сыпучести дюнь
Океана,
Текуція смолы, что свѣтятъ янтарно, съ зарсю, и поздно
и рано.
Разгудистый колоколь, въ хоры вошедшій сосновыхъ
огромностей бора,
Волна перекатная шума лѣсного, идущая мѣрно и скоро.
Струя полнолѣвная крови, сокрытой въ рукѣ, что кладу
я на руку,
Два сердца, столь близкія, пляшутъ влюбленно, и ухо
внимаетъ ихъ звуку.
Лазурный шатеръ надъ смарагдами бора одѣлся въ обрыв-
ную млечность,
Какъ сладостно быть мнѣ, родная, лѣсная, съ тобою и
миги, и Вѣчность.

ВЕСЕННЯЯ СОСНА.

Какіе стройные стволы
Воздушно-вознесенныхъ сосенъ.
Въ нихъ чернь зеленой полумглы
Давно перегорѣвшихъ весенъ.

Но всѣ, но всѣ концы вѣтвей
Хранятъ весенніе побѣги.
И свѣжій бархатъ ихъ свѣтлѣй
Въ первично - изумрудной нѣгѣ.

А снизу — дышетъ изумрудъ
Росой обрызганнаго луга.
А дальше, въ озерѣ плывутъ
Два лебедя, любя другъ друга.

И лебединое крыло,
Крыла касаяся воздушно,
Велитъ тебѣ взглянуть свѣтло,
И полюбить меня послушно.

СПОЛНА.

Радостность ласки моей
Полною чашей испей.
Ласковость свѣтлой любви
Сердцемъ сполна позови.

Каждый весенній цвѣтокъ
Въ мигъ свой — лишь скрытый намекъ.
Въ мигъ свой — онѣ дышетъ полнѣй,
Влагу принявъ до корней.

Каждый весенній цвѣтокъ
Въ мигъ свой — пахучъ и глубокъ,
Взявши въ себя полноту: —
Солнце, росу, и мечту.

ВЪ ПОДВОДНОСТИ.

— Я нимфа подводная,
Я дѣва свободная,
Я бѣлая, льдяная — со снѣгомъ и льдомъ,
Я нѣжно - румяная — въ утрѣ золотомъ.

Вся — по прихоти я,
Вся — въ себѣ, вся — своя,
То горячая я, то холодная,
Но всегда — какъ вода.
Я свободная.
— Вѣдомо мнѣ. Ты меня
Отлучила
Отъ родимыхъ верховьевъ и лазурнаго дня.
Потопляеть свободная сила.
Безъ земнаго огня,
Я съ тобою въ низинахъ, въ подводности,
Въ великой, въ слѣпой, въ роковой однородности
Дней и ночей,
Безъ означенья
Парнаго ихъ, тамъ высоко, теченья,
Безъ смѣны тѣней и лучей.
Ахъ, я ничей!
Ахъ, я свободный!
Отпусти меня къ Солнцу и къ рабству скорѣй.

ДЫМКА.

Не хочу я напѣвовъ, гдѣ правильность звуковъ скована,
Хочу я напѣвностей тѣхъ, гдѣ своеволить душа сполна.
Я струна.

Сестра я полночныхъ травъ, шелестящими травами я за-
чарована.

Я какъ бѣлая дымка плыла,
За осоку задѣла,
Зацѣпилась несмѣло
За осоку болотную бѣлокурая мгла.
Съ камышомъ перебросилась взглядомъ,
Покачнулся камышъ, — съ тѣмъ, что зыбко, всегда онъ
рядомъ:

„Я струна. —
„Кто пришелъ, и куда меня, этой ночью, звать?
„Утонуть? Утопить? Меня полюбить? Иль меня сорвать!“ —
Покачнулся камышъ, я его обняла несмѣло,
И зацѣла,
Будетъ намъ теперь колдовать
Шелестящая топь, и ночь, и Луна,
Будетъ бѣлая тайна насъ обвивать,
И тихонько, тихонько, тихонько я буду скользить,
Чтобы выросла вплоть до того вонъ луннаго лѣса тонкая
нить,
Какъ струна.

ВОЗВѢЩЕННАЯ.

У высокаго окна
Златоокая жена,
Золотая, золотая,
Въ осіянности очей,
Золотая, золотая,
Въ шелковистости лучей,
Устремленныхъ Небесами,
И сплетенныхъ Небесами
Съ золотыми волосами,
Чтобъ дышалось горячѣй.

У высокаго окна
Будетъ вѣкъ стоять она,
Молодая, молодая,
Чтобъ внизу была весна,
Золотая, золотая,
Какъ воздушный очеркъ сна,
Сонъ, который, разъ приснится,
Въ свѣтломъ взорѣ будетъ длиться,
И вовѣки не затмится,
Какъ вѣка горитъ Луна.

МЕДВЯНКА.

Луна золотая, какъ щить золотой,
Луна золотая, какъ риза изъ злата,
Въ предѣлахъ Востока горить надъ водой,
Превыше послѣднихъ мерцаній Заката.
Медвяныя росы растутъ.
Медвянка! Приди же! — Я тутъ.

Цвѣтокъ золотой, какъ Луна золотая,
Цвѣтокъ золотой, какъ кружокъ золотой,
Тебѣ принесла я, онъ дышетъ, блистая,
И сны, расцвѣтая, плывутъ чередой.
— Медвянка! Медвянка! О, кто ты?
— Я та, кѣмъ восполнены соты.

СЧЕТЬ.

Счесть въ лѣсу хотѣлъ я сосны:
Сбился въ пьяномъ духѣ смоль.
Счесть съ тобой хотѣлъ я весны:
Поцѣлюямъ счетъ не свель.

Счесть хотѣлъ цвѣточки луга,
Кашки розовой полки.
Да взглянули другъ на друга,
Въ войскѣ спутались значки.

Все лицо — въ цвѣточной пыли,
Миръ горить, во мглѣ сквозя.
И обнявшись мы рѣшили:
Ничего считать нельзя.

КАКЪ ЖЕ?

1.

Ни на мгновеніе огонь не замолчить,
И безсѣяннымъ быть онъ не умѣть.
Въ немъ сердоликъ текущей влить,
Сафиръ и зыбкій хризолитъ.
И онъ шуршитъ, и онъ горитъ,
И говоритъ, и говоритъ,
Рубинной пѣсней пламенѣть.
Такъ какъ же ты, огонь любя,
Надѣла трауръ на себя?
Гори намъ, струйно-золотая,
Или сгори, и пой, сгорая.

2.

Я горю. Говорю,
Что и я люблю зарю,
Сердоликъ я расцвѣчаю,
Отвѣчаю
Янтарю.

Но когда та звѣзда,
Чья настала череда,
Задрожитъ, — все небо слышитъ,
Ночью дышитъ
Съ ней вода.

И застывъ, вѣтви ивъ,
Листья влагой расцвѣтивъ,
Повторяютъ безглагольно:
Смерть безболына,
Сонъ красивъ.

ЦВѢТЫ.

Я подхожу—такъ вплотъ—къ единственнымъ цвѣтамъ,
Которые цвѣтутъ—для всѣхъ, и одному.
Я сладостью дышу. Какъ всѣ. Но что же тамъ?
Цвѣтокъ цвѣтеть въ огнѣ, зерно идетъ во тьму.

И снова изо тьмы змѣится ввысь ростокъ.
Вотъ всѣ запѣли гимнъ безсмертію цвѣтовъ.
Но кто же мнѣ отдастъ—мой, бывший, мой цвѣтокъ?
За этотъ мой цвѣтокъ—я всѣ отдать готовъ.

СРЫВЪ.

Есть въ громахъ, рожденныхъ бурей,
Срывной звукъ.

Въ летѣ фурій, въ ласкахъ гурій,
Есть красивость сжатыхъ рукъ.

Есть въ глазахъ, любовь таящихъ,
Дрожь рѣсницъ.

Межъ вѣтзей, въ весеннихъ чашахъ
Есть любовный голосъ птицъ.

Есть въ капризности размѣра
Срывъ струны.

Есть! Тебѣ, о, баядера,
Пляски-молніи даны.

ЦВѢТЪ ВЛАСТИ.

Цвѣтъ власти — стебель золотой
И голубой цвѣтокъ.

Пѣснь Власти дышетъ красотой
Сребристо-струнныхъ строкъ.

Смотри, Венера изошла
Изъ голубыхъ глубинъ.
Ея волосъ златится мгла,
Ея уста — рубинъ.

Смотри, Венера изошла
Изъ нѣжно-синихъ водъ.
Надъ ней Луна была свѣтла,
За ней пожаръ плыветъ.

Огонь златисто - желтоликъ,
Огонь румянъ и пьянъ.
Цвѣта поютъ, въ нихъ властный крикъ,
Расцвѣтъ намъ въ страсти данъ.

Цвѣтъ Власти — стебель - изумрудъ
И золотой цвѣтокъ.
Цвѣта поютъ, вонъ тамъ, вотъ тутъ,
Мигъ страсти недалекъ.

Смѣшались всѣ напѣвы строкъ,
Зардѣлись всѣ цвѣта.
Тебя воздушный свѣтъ облекъ,
Ты та же и не та.

Пѣснь Власти — сладостный намекъ
На нѣжно-алый цвѣтъ.
Я расцвѣтилъ твой лепестокъ,
Желанный счастья — нѣтъ.

ТАНЕЦЪ.

Двѣ ихъ, двѣ ихъ, въ вихрѣ танца, пронеслись передо
мною.
Всплески пляски, огонь румянца, сѣтъ мантиліи сквозной.

Ргы гранатно пріоткрыты, зубы — жемчугъ въ два ряда,
Очи ярки, въ очи влиты — звѣзды, Небо, и вода.

Не простая, не рѣчная, а морская, синій валь,
Въ два вмѣстился водоема, и, блеснувши, задремаль.

СОНЪ НАЯВУ.

Въ этихъ душныхъ нѣчахъ, въ Итальянскихъ нѣчахъ,
Вдругъ крылатую взявъ, я сжимаю тебя,
Утопивши глаза въ потемнѣвшихъ очахъ,
И терзая тебя — и любя — и любя.

Этихъ нѣжныхъ ступней ощутивъ красоту,
Поцѣлуй къ нимъ прижалъ — восходилъ — восходилъ,
И, напѣвность любви, я узоры плегу,
Сочетавъ поцѣлуй съ воскуреньемъ кадилъ.

Мы узнали, что вотъ, это — слитные мы,
Двѣ красы — двѣ осы — два касанія травъ,
И читая въ очахъ звѣздный сказъ полутьмы,
Я пою про любовь двухъ расцвѣтшихъ купавъ.

Я ОТДАЛЪ СЕБЯ.

Я отдалъ себя, увидавши дорогу.
Одной — поцѣлуй. И поэму — другой.
Звѣздой промелькнулъ, улетающей къ Богу.
Въ ночи закурчался пѣной морской.

Мнѣ радостно было — быть радостью нѣжной.
Тамъ въ сердцѣ. Тамъ въ сердцѣ. И въ этомъ. И въ томъ.
И ласкою нѣжной, въ пустынѣ безбрежной,
Растаялъ... Развѣянь... Во всемъ... И ни въ чемъ...

ЗОЛОТАЯ.

Вознеслась надъ Моремъ, золотая,
Разлилась на Западъ и Востокъ,
Расцвѣтила съ края и до края,
Засвѣтила въ сердцѣ огонекъ.

Тамъ на днѣ несохнущей криницы,
Въ глубинѣ, гдѣ все схоронено,
Какъ напѣвъ, зажгла огонь зарницы,
И, сгорѣвъ, златымъ явила дно.

МГЛА.

Нимфея бѣлая, нимфея голубая,
Нимфея радуга, сѣрнистый цвѣтъ, заря,
Кроваво-звѣздная, и туберозно-злая,
Мерцали, межъ собой дыханьемъ говоря.

Я слышалъ говоръ ихъ надъ этой блѣдной влагой,
И въ сердце раненый, внимательно молчалъ,
И многоцвѣтною, многоименной сагой
Духъ лотоса, дыша, весь воздухъ расцвѣчалъ.

Лились пахучіе и заревные звоны
Бегоній пламенныхъ, лиловыхъ орхидей,
Томились пьяныя въ туманѣ анемоны,
Всѣ губы жадныя раскрылись для страстей.

И рододендроны, какъ сонмы юбокъ фейныхъ,
Призывно зыблились, горячій ротъ маня,
И я застылъ средь чаръ нимфейныхъ, многозмѣйныхъ,
И пыль цвѣточная огнемъ вошла въ меня.

КАМЕНЬ ГОЛУБОЙ.

КАМЕНЬ ГОЛУБОЙ.

Это камень голубой,
Это камень драгоценный,
Что сияет тремъ мірамъ.
Посмотри душою плѣнной,
Онъ лазурится вонъ тамъ,
Посмотри въ тиши забвенной,
Онъ горитъ передъ тобой,
Это камень голубой,
Это свѣточъ драгоценный,
Что колдуетъ тремъ мірамъ.

Онъ высоко надъ тобою,
Въ небосини круговой,
Цѣлый міръ онъ взялъ безъ бою,
Окруживъ его собою,
И, чтобъ не былъ міръ слѣпой,
Чтобъ лазурь, что такъ богата,
Отгвнилась блескомъ злата,
Вдоль небеснаго онъ ската
Кинулъ Солнце предъ собой,
Бросилъ Мѣсяцъ, сгустокъ пѣнный,—
Этотъ камень голубой,
Этотъ камень драгоценный,
Что сияетъ тремъ мірамъ.

Видишь бурю по горамъ?
Въ тучевомъ потокѣ взрытомъ,
Межъ обрывовъ здѣсь и тамъ,
Ихъ снѣгамъ и ихъ гранитамъ,
Въ ликѣ молній златолитомъ,
Проложилъ онъ путь громамъ.
Видишь, свиткомъ перевитымъ,
Влажный стебель предъ тобой
Даль рожденье нѣжной чашѣ,
Что горитъ все краше, краше?
Это лотось голубой,
Онъ глядится въ души наши,
Обвѣнчавъ меня съ тобой.

И когда, въ блаженствѣ млѣя,
Въ тонкомъ вкрадчивомъ огнѣ,
Ты, влюбленная лилея,
Прижимаешься ко мнѣ,
И когда, какъ ночи лѣта
Страсть одѣта въ блескъ зарницъ, —
Исполняется примѣта,
Что лазурь дана для птицъ,
И лазурь для нѣжныхъ лицъ.
Ибо мы, въ самозабвенный
Погружаясь прибой,
Погружая взоръ во взоры,
И въ молчанье — разговоры,
Видимъ пламень голубой,
Тамъ, въ глазахъ влюбленныхъ, плѣнный,
Въ плѣнѣ мгновенный преданъ намъ,
Этотъ камень драгоценный,
Этотъ свѣтъ всегда - живой,
Этотъ камень голубой,
Самоцвѣтъ несоцѣненный,
Что сіяетъ тремъ мірамъ.

ПОДЗЕМНЫЕ.

Тамъ, гдѣ по зарямъ, съ пловучими огнями,
Первый стелется туманъ,
Въ скрытости бѣгутъ подземными путями,
Чудо-змѣи темныхъ странъ,
Свѣжіе ключи въ излучинахъ незримыхъ.
Такъ слѣди за той зарей,
И когда она растаетъ въ свѣтлыхъ дымакъ,
Знакъ понявъ, колодець рой.

ВЪ БОРѢ НАДЪ МОРЕМЪ.

Синій клеверъ на горѣ,
Цвѣтъ румянецовый въ зарѣ,
Въ Океанѣ гѣнесвѣтъ,
Вороненой стали цвѣтъ.

Запахъ ладанный сосны,
Свѣжій воздухъ тишины,
И соленый съ Моря духъ,
Цвѣтъ и запахъ мыслить вслухъ.

ЧЕРЕЗЪ ВѢКА.

Я буду жить вѣка, и обливаться кровью,
Чтобъ вѣдать первый мигъ, съ распаханною новью.

И я сквозь стонъ пройду, оплоты горъ дробя,
Но я во тьмѣ времянь всегда найду тебя.

Я засвѣчусь въ вѣкахъ, поющей пѣсни, кровью,
Земля - вдова, вздохнувъ, возлюбитъ долю вдовью.

И Солнце, богъ ея, супругъ давнишнихъ дней,
Сквозь пѣснь мою опять прижмется страстно къ ней.

Я расцвѣчу вѣка коралловою кровью,
Пороги проплыву, легко скользну къ низовью.

И побѣдивъ ушербъ, какъ лунная ладья,
Ты вновь ко мнѣ придешь и скажешь: „Я твоя“.

РАКОВИНА

Вкругъ раковины млѣть хотящая вода,
Вкругъ влаги ярко рдѣть живой огонь, всегда.
Вокругъ пожара—воздухъ, вкругъ воздуха—эоиръ,
Вокругъ эоира—зрѣнье, здѣсь замкнуть цѣлый міръ.

Вкругъ раковины—воздухъ, эоиръ, огонь, вода.
А въ раковинѣ круглой—какая тамъ звѣзда?
Тамъ скрыть ли нѣжный жемчугъ? Добро тамъ или Зло?
Въ ковчегѣ сокровенномъ—священное число.

Хранить оно безгласно всю цѣльность бытія,
И въ немъ, безстрастно, ясно, въ забвеньи—Ты и Я.
Но тотчасъ ликъ за ликомъ мелькнетъ въ дрожащей мглѣ,
Едва лишь раздѣленье означится въ числѣ.

Плывутъ, ползутъ, летаютъ, межъ страшныхъ камышей,
Чудовищныя рыбы и жадный птицевѣдъ.
И вотъ свирѣль Я сдѣлалъ; пропѣлъ Себя въ вѣкахъ,
И Ты, любовь, явилась, вся въ нѣжныхъ жемчугахъ.

ЗВѢРОБОЙ.

Лучинникъ, степной звѣробой,
Златистый, а есть также синій.
Такъ звѣзды, что вьются толпой,
Въ степяхъ высоты голубой,
Гадая въ той вышней пустынѣ,
Со мной пошутили, съ тобой,
И выросъ двойной звѣробой.
Я здѣсь съ золотыми кудрями,
Ты тамъ съ голубыми очами,
Тоскуя, горимъ на степи,
Мы вмѣстѣ и врозь. Потерпи.
Недаромъ тамъ звѣзды надъ нами,
Есть свадебный вѣтеръ въ степи.

У МОРЯ.

Я у Моря голубого,
Подлѣ пальмы, надъ волной.
Съ милой снова, съ влагой снова,
Говорить она со мной.

Въ быстрой шалости бѣлѣть
Закипѣвшая волна.
Если хочеть,—тотчасъ смѣть,
Такъ какъ можетъ,—вотъ она.

ГЛАЗА ТВОИ СИНІЕ.

Глаза твои синіе—какъ зимній, далекій лѣсъ,
Подъ Солнцемъ сіяющимъ съ высокихъ и синихъ Не-
бесъ.

Глаза твои синіе—какъ сумракъ летящихъ бурь,
Въ нихъ грозы грядущія, въ нихъ спящаго сердца
лазурь.

Глаза твои синіе—какъ тайна алтарныхъ завѣсъ,
Глаза твои синіе—какъ зимній далекій лѣсъ.

ЗОРИ.

Съ тобой, моя желанная мечта,
Извѣдалъ я, въ сіяньи зорь, лобзанье,
Единственность призывнаго касанья,
Ты каждый мигъ—и та же, и не та.

Ключъ жизни, утро Мая, красота,
Таинственность священнаго сказанья,
Восполненность живого состязанья,
Предѣльный свѣтъ, пронзенная мета.

Твои глаза глядятъ, когда глядятъ,
Твой поцѣлуй—воистину лобзанье,
И для меня ты примешь истязанья,
И для меня, со мною, примешь ядь,
Мы довершимъ высокое дерзанье,
О насъ пѣвцы въ вѣкахъ возговорять.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Какъ стало тихо на горахъ
Отъ свѣже-выпавшаго свѣга.
Въ какихъ медлительныхъ кругахъ

Восходить дымъ. И въ небесахъ
Какая ласковая нѣга.
И хоть зима, дышу тобой,
Веснянка, свѣтъ мой голубой.
Какъ будто мы, въ преддверьи храма,
Глядимъ на струи еиміама.

ДУШѢ.

Весна повсюду хороша,
Любовь всегда любовь.
Но, если любишь ты, душа,
Одежды приготовь.

Разлей по высямъ горъ огни,
Усиль цвѣтной восходъ.
Вездѣ цвѣты распростири,
Имъ потерявши счетъ.

Разливъ огни, сгужи туманъ,
И свѣтлый дождь пролей.
Чтобъ былъ свѣжащій праздникъ данъ
Для жаждущихъ стеблей.

Одѣнься въ нѣжный изумрудъ,
И грезамъ, о, душа,
Отдай себя, они вотъ тутъ,
Вотъ ждуть, чуть-чуть дыша.

ПАСХАЛЬНЫЯ.

Словно свѣчечки пасхальныя,
Пасхи—легкой смѣны сновъ,
Словно въ свѣтлый мигъ вѣнчальныя
Нити нѣжныхъ жемчужовъ,—

Расцвѣчаясь въ ослѣпленности,
Огсвѣчаютъ съ высоты —
Первой, призрачной влюбленности
Почки, вѣтви, и листы.

ПИРЬ.

Брызги листьевъ зеленыхъ,
Праздникъ новой весны,
Травы на горныхъ склонахъ,
Жаждой любить взнесены.

Нѣжный цвѣтъ изумруда,
Медленный благовѣстъ дня,
Новое вѣчное чудо,
Пирь молодого огня.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА.

— Отчего у тебя голубые глаза?
— Оттого, что, когда пролетала гроза,
Были молніи рдяны и сини,
Я смотрѣла на пляску тѣхъ синихъ огней,
И на небо, что все становилось синѣй,
А потомъ я пошла по пустынь,
Преодо мной голубѣль и синѣль звѣробой,
Колокольчикъ сіяль и звенѣль голубой,
И пришла я въ нашъ домъ на ступени,
А надъ ними ужъ ночь, голубѣя, плыла,
И Весна королевой лазури была,
И душисто синѣли сирени.

РЫЦАРЬ.

Кто ты, летящій за чертой?
— Воитель бури молодой.
Зажгу свѣчу, проснется громъ.
И сломить тучу мой изломъ.

Мой мечъ — огонь. Мой красный конь —
Въ неуголимости погоня.
Лечу, свѣчу, — и токъ дождя
Играетъ, тучу бороздя.

Мой круглый щитъ, семи цвѣтовъ,
Горитъ на чашечкахъ цвѣтовъ.
Въ росѣ — мой обликъ молодой.
Я рыцарь Молніи златой.

ДЫМКА.

Колосья тонкіе цвѣли,
Качаясь и мерцая.
И словно таяль звонъ вдали
Какъ дымка голубая.

Тамъ былъ голубоватый лѣсъ,
Обѣдную пѣли птицы.
Душа качнула мглу завѣсь,
И дрогнули рѣсницы.

ЗАПРЕТНОСТЬ.

Мы рвали съ тобой золотые цвѣты,
Мы смотрѣли въ зеркальность рѣки,
Въ водѣ отражалась воздушная ты,
И въ душѣ было много тоски.

Мы знали, что путь есть отъ сердца до глазъ,
И что вотъ полюбили сердца,
Но мысль оковала запретностью насъ,
И скорбимъ, мы скорбимъ, безъ конца.

БѢДНЫЕ ДѢТИ.

Бѣдные дѣти! Зачѣмъ вы сковали
То, что отъ вѣчности вольно?
Вы укачали земныя печали,
Все же вамъ смутно и больно.

Вы, не спросясь у расчисленной жизни,
Силѣ любви уступили.
Сердце — какъ послѣ разлуки въ отчизнѣ,
Въ сказкѣ — и въ явленной были.

Пусть же растаетъ, межъ близкихъ неожиданно,
Эта послѣдняя связя: —
Въ двухъ одноплѣвность поеть необманно
Разностью радугъ алмаза.

ВѢНЧАННЫЙ МИГЪ.

Поцѣлуй. Замиренность двухъ лицъ.
Мигъ причастія.
Преклониться молитвенно ницъ,
Въ этомъ — счастье.

Между всѣхъ озаренныхъ иконъ,
Безглагольная.
Но живая, какъ стихнувшій стонъ,
Вотъ ужъ — вольная.

Вотъ ужъ въ храмъ — лелѣешь мечты,
Но храмовныя.
Въ свѣтѣ свѣчъ мы съ тобой, я и ты,
Безгрѣховныя.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Не первозданность солнцъ, не безконечность звѣздъ,
Въ ночи плывущихъ вереницами,
Не ветхихъ дней завѣтъ, не семицвѣтный мостъ,
Въ громахъ, съ зарницами, —

Не перекатный гулъ вскипающихъ морей,
Съ ихъ усиленьемъ — океанами, —
Не вѣтры, что поять дождями цвѣтъ стеблей,
Свѣтло-медвяными, —

Не эта пышность вся, — хоть это все люблю, —
Владѣя сердцемъ, жжетъ волненіемъ, —
А лучъ души къ душѣ — его я въ пѣснѣ длю
Благословеніемъ.

КАКЪ НОЧЬ.

Она пришла ко мнѣ молчащая какъ Ночь,
Глядящая какъ Ночь фіалками - очами,
Гдѣ росы краткія звѣздилися лучами,
Она пришла ко мнѣ такая же точь - въ - точь,
Какъ тиховѣйная, какъ вкрадчивая Ночь.

Ея единый взгляд проникъ до глуби тайн. И,
Гдѣ въ зеркалѣ нѣмомъ — мое другое я,
И я — какъ ликъ ея, она — какъ тѣнь моя,
Мы молча смогримся въ зѣлоу необычайный,
Горящій звѣздностью, бездонностью, и тайной.

КЪ ЖЕМЧУГАМЪ.

Любовь, опять Луна глядитъ въ мое окно,
На Морѣ — серебро, отъ серебра — прохлада,
И одинокая поющая цикада
О чувствахъ говоритъ, свѣтившихъ мнѣ давно, —

Тамъ, въ краѣ призрачномъ, какъ греза, гдѣ звено,
Межъ нами бывшее, скрѣпилось блескомъ взгляда,
Куда вернуться намъ неустранимо - надо,
Куда вернуться намъ — созвѣдно — суждено.

Тамъ въ странахъ призрачныхъ, какъ сказка, ты свѣтила
Такимъ фіалковымъ и сладостнымъ огнемъ,
Что колыбелится и пѣлъ онъ мнѣ: „Уснемъ“.

И въ сердцѣ вспыхнула негаснущая сила.
И дни содвинулись. И Небо такъ рѣшило: —
„Идите къ жемчугамъ — опять — морскимъ путемъ“.

СЧАСТЬЕ.

Счастье! Въ желанномъ себя потерявъ,
Будешь любить.
Нѣжно за волосы взявъ,
Будешь ротъ его пить,

Цѣлюющій ротъ его пить,
Какъ росу испиваютъ по каплѣ расцвѣтности травъ.
Счастье! Себя потерявъ,
Снова себя находить
Въ этомъ другомъ,
Въ нить золотую его перевить свою тонкую нить,
Быть лепесткомъ съ лепесткомъ,
Чашей двойною расцвѣвшихъ купавъ,
Чашей одной, затаившей вино,
Слитно упасть на завѣтное дно,
Быть между зыблемыхъ травъ,
Сердце до милаго сердца прижавъ,
Знать, что Судьбой это все рѣшено,
Въ звѣздахъ, давно.

ГОЛУБОЕ.

Мнѣ снилось, мы съ тобой вступили въ Голубое.
То было царство звѣздъ, фіалокъ, и воды.
Лазурныя поля. Лѣса. Мы были двое.
Звѣзда не торопясь вела насъ до звѣзды.

Среди высокихъ горъ базальта голубого
Часовни были тамъ курившихся пещеръ.
Шелъ бѣлый дымъ изъ нихъ, и снова въ нихъ и снова
Звукъ эхо нашу мысль перелагалъ въ размѣрѣ.

По берегамъ ручьевъ мерцали незабудки,
Въ сиреневыхъ кустахъ свѣтился оиміамъ.
И колокольчики, какъ башенки - малютки,
Свѣтя, струили звонъ въ лазурь Небесъ и къ намъ.

А птицы синія, что Время означали,
Летали по кругамъ, баюкая мечты
И въ сердцѣ пѣла пѣснь, что кончились печали,
Что я навѣкъ съ тобой, навѣкъ со мною ты.

ПЛАМЯ.

Если пламя голубое
Ты зажжешь на алтарь,
Вась, мелѣйныхъ, въ храмъ — двое,
И лицо свое живое,
Весь сіяя какъ въ зарѣ, —
До лазури наклоняя,
Огѣняя ту зарю,
Пламя синее впивая,
Богъ вѣщаетъ: — Я горю.
Я съ тобою, земножитель,
Мой молельникъ, мой святитель,
Я съ тобою говорю.
Если ты зажегъ молитву,
Искры въ пляску устремилъ,
На горячую ловитву
Я схожу подъ звонъ кадилъ.
И ловлю я это пламя,
И вздымаю дымъ какъ знамя,
И вдыхаю жаръ души,
Этотъ синій - синій ладанъ.
Мигъ загаданъ и разгаданъ,
Къ свѣтлой цѣли поспѣши.
Что задумалъ, то случится,
Счастье — вѣрное твое,
Ибо синій пламень длится,
Выпрямляясь какъ копьѣ.

ЗВѢЗДНАЯ ГРАМАТА.

Я дамъ тебѣ звѣздную грамату,
Дорогою сдѣлаю радугу,
Надъ пропастью дней многогромною
Твой теремъ высоко взнесу.
И зори, со звѣздами дружныя,
И зори разсвѣтовъ жемчужныя,
Протянуть свою полосу.

Ты будешь во снѣ многосладостномъ,
Душистомъ какъ нѣжныя ландыши,
Сквозистомъ какъ лѣсъ многолиственный,
Росистомъ какъ ласковый лугъ.
Ты будешь въ сляньи и въ пѣни,
Мы будемъ въ безсмертномъ мгновени,
Съ лицомъ, обращеннымъ на Югъ.

ЛУЧЕИЗЛОМЪ.

АГНИ.

Красные кони, красные кони, красные кони — кони мои.
Ярки ихъ гривы, выются извивы, пламенны взрывы,
ржутъ въ забыти.

Ржутъ, что есть мочи, дрогнули ночи, конскія очи — мол-
нийный свѣтъ.
Спятъ водоемы, будутъ имъ громы, рухнутъ хоромы выш-
нихъ примѣтъ.

Жаркіе кони, яркіе кони, жаркіе кони — кони мои.
Топнуть о камень — топнуть — и пламень выросъ и взвился
проворнѣй змѣи.

Звонки подковы, златы и новы, пышны покровы красныхъ
попонъ.
Въ Мирѣ — вѣщанье, капель жужжанье, рѣзвое ржанье,
хохоть и стонъ.

Бѣлый — рождаясь, красный — взметаясь, весь расцвѣ-
чаясь въ пропастьяхъ дня,
Я у порога Мрака-Зловрога. Знаешь ты бога? Видишь
меня?

ВЗОРЫ ГОРЬ.

Взоры горь — обсидіань,
Дымно-лиственный тумань,
Міръ сапфировъ, срывный скать,
Черно-блещущій агать.
Чальчивитль - зеленоцвѣтъ,
Взглядъ травинокъ древнихъ лѣтъ,
Изумрудистый намекъ
На давнишній стебелекъ.
Гіацинтъ, и новый скать,
Межь рубинами гранать,
Фиолетно-блѣдный листъ,
Зори въ морѣ, аметистъ.
Возсіявшій черезъ мракъ,
Нетемнѣющій свѣтлякъ,
Разныхъ радугъ пересказъ,
Радость глазъ, живой алмазь.
Взоры горь — лучей раскатъ,
Самоцвѣтный свѣточъ златъ,
Солнце въ зернахъ и въ кускахъ,
Въ самородныхъ рудникахъ.
Блѣдно - лунная игра
Колдованій серебра,
Украшеніе и звонъ
Всякихъ странъ и всѣхъ временъ.
Кровью тронутая мѣдь,
Топорами ей гремѣтъ,
Чтобъ размашисто убить,
И желѣзу уступить.
Подъ желѣзомъ — о, руда!
Кровь струится, какъ вода,
И въ стальной замкнутъ уборъ
Горный черный разговоръ.

ЛУЧЕИЗЛОМЪ.

О, бранная изломность линий,
Военный станъ пучины синей;
Ходъ жизней, ждущихъ череды;
Качаніе морской звѣзды;
Игрянки, живоросли, жгучки,
Существо лучистыхъ міръ; ряды
Звѣре-растений; борозды
Разорванность; пловучесть тучки;
Глубинный небосводъ воды;
Лучистый камень, роговая
Обманка, сложный строй хоромъ,
Гдѣ лучъ расходится съ лучомъ;
Вся хотъ морей, всегда живая,
Гдѣ слизь цѣлуетъ, жизнь свивая,
И волны крутятся узломъ;
И изъ одной страны прозрачной
Къ другой — свѣтильникъ бивуачный —
Прошедшій лучъ — лучеизломъ.

ТИГРЬ.

Ты, крадущійся къ утѣхамъ
Растрезанія другихъ,—
Ты съ твоимъ пятнистымъ мѣхомъ,
Я дарю тебѣ свой стихъ.

Чунгъ — зовутъ тебя въ Китаѣ,
Багъ — зоветъ тебя Индусъ,
Тигръ — сказала я, бывши въ Раѣ,
Измѣнять — я не берусь.

Гимнъ слагая мірозданью,
Тигромъ назвалъ я тебя,
Чтобъ метался ты за данью,
Смерть любя и жизнь губя.

Вотъ я вижу. Вотъ я слышу.
Храмъ забытый. Тишина.
На узорчатую крышу
Чару свѣта льетъ Луна.

Вотъ я слышу. Гдѣ-то близко,
Бросивъ въ храмъ переходъ,
Межъ кустами тамариска,
Мягко, мѣрно, тигръ идетъ.

Къ человѣку отъ развалинъ,
Къ человѣку, къ людямъ — вотъ,
Безупреченъ, безпечаленъ,
Чуть ступая, тигръ идетъ.

Сталь. Застылъ. Прыжокъ. Мгновенье.
И лежитъ растерзанъ — тамъ,
Кто забылъ свое моленье,
Упустилъ въ вѣкахъ свой храмъ.

Такъ да будетъ. Приходи же,
Изъ оставленныхъ руинъ,
Страхъ священный смерти, ближе,
Лишь приносишь ты одинъ.

Кровь — тебѣ, какъ робкимъ — млеко,
Кровь — на долгіе года,
Потому что человѣка
Ты готовъ терзать всегда.

СКАЗАНИЕ.

Родился Міръ — изъ гнѣва. Вскрикнулъ Богъ,
И влага въ изумленіи застыла.
И тамъ, гдѣ — мигъ тому — былъ крикъ, напѣвъ, и вздохъ,
Простерлась горная безмѣрная могила.

И между впадинъ, срывовъ, и вершинъ,
Межъ смолкшими гробами и гробами,
Въ испугъ поползла вода, какъ между льдинъ,
Змѣясь извиристо шуршащими волнами.

ЖЕРЛО.

Быть можетъ, такъ. А можетъ быть, не такъ.
Есть Богъ иль нѣтъ, — вѣдь мы не знаемъ твердо.
Извѣстно лишь вполнѣ: Есть свѣтъ, есть мракъ.

Одна струна, — такъ значитъ нѣтъ аккорда,
Разъ цвѣтъ одинъ, мы въ слѣпотѣ цвѣтовъ,
И разъ мы часть, — обманно все, что гордо.

Но часть ли мы въ игрѣ Первоосновъ?
Иль, можетъ, разъ въ началѣ было Слово,
То Слово — мы, какъ мы — вся слитность словъ?

Одно въ одномъ, безъ гибели и крова,
Устало быть всегда самимъ собой,
Быть цѣльнымъ, Всѣмъ, не зная, что что-то ново.

Одно въ Одномъ, въ пустынѣ голубой,
Въ законченномъ, хотя и безконечномъ,
Безъ знанія, что есть красивый бой.

Одно въ Одномъ, въ предвосхищеніи млечномъ,
Себя Собой введя въ безмѣрный гнѣвъ,
Возжаждало быть въ вихрѣ быстротечномъ.

И вотъ раскрылся Міръ, какъ вѣщій зѣвъ,
Качнулась быстрота водоворота,
И зазвучалъ разорванный напѣвъ.

Распалось Все на безконечность Кто-то,
Раздвинулось гудящее жерло,
Всталъ дьяволъ Умъ, легла въ постель Дремота.

Легла, и усмѣхнулась тонко зло,
Явила обнажившіяся груди,
И бытіе въ бездонность потекло.

Помчались быстро птицы, звѣри, люди,
Цвѣты, болѣзни, войны, божества,
Всѣ въ нестерпимомъ жизнетворномъ зудѣ.

Донынѣ эта пляска Солницъ жива,
На нашемъ также есть протуберанцы,
И на планетахъ тоже есть трава.

Повсюду бросивъ алые румянцы,
Межь двухъ предѣловъ, жаждущая Хоть
Сплетаеъ помрачительные танцы.

И мы твердимъ, то — Дьяволъ, то — Господь,
Окружный Змѣй свой хвостъ загнутый гложетъ,
И грезить о душѣ земная плоть.

И всѣхъ, всегда, одинъ вопросъ тревожить,
Но некому тотъ камень раздробить:
Что жь, наша жизнь — есть доброе Быть Можетъ?
Иль яркое и злое Можетъ Быть?

НЕПРЕЛОЖНОСТЬ.

Жерло, бросающее лаву,
И хищный, цѣпкій, мѣткій зубъ,
Вы существуете по праву,
Какъ стихъ, вѣнчающій октаву,
Какъ камень, вправленный въ оправу,
Какъ поцѣлуй румяныхъ губъ.

И если бъ въ гаммѣ Мірозданью
Рычащій замолчалъ бурунъ,
И если бъ не былъ данъ страданью
Его размахъ, какъ звонъ — рыданью,
Мы сами бъ въ Адъ пошли за данью,
Чтобъ звонче было пѣнье струнъ.

Когда жь свершимъ мы непреложность,
Пройдя ступени всѣмъ путемъ,
Мы окуемъ въ себѣ тревожность,
И будетъ цѣльный Рай возможность,
Но, раздробивъ опять Всебожность,
Мы пляску атомовъ взметемъ.

НѢЖНОСТЬ МІРА.

Нѣжность Міра? Хоботь. Клыкъ.
Съ корнемъ вырванный языкъ.
Гвозди, вбитые — не въ тесь,
А въ глаза, гдѣ розы слезъ.

Нѣжность Міра? Цѣпкій клювъ,
Что скрипитъ — полавъ, рванувъ,
Жить лишъ можетъ — разорвавъ,
Нѣжность Міра есть удавъ.

Чтобъ построить материкъ,
Милліонный вызвать крикъ,
Тѣло къ тѣлу, этажомъ,
Зубомъ, взглядомъ, и ножомъ.

Строй людей, звѣрей, и рыбъ,
Травы, птицы, слои глыбъ,
Тѣло — къ тѣлу, домъ — на домъ,
Встанетъ островъ здѣсь горбомъ.

Надъ Небомъ и Землей, надъ жизнью душъ и травъ,
И мы зовемъ дождемъ твой праздникъ сладострастья,
И слушаемъ твой громъ, первичность вновь узнавъ.

А къ ночи свѣтъ зарницъ лазурить наше счастье.

ГРОЗОВОЙ ПОЦѢЛУЙ.

Молило тучу облачко: Грозой меня одѣнь.
Отъ облака до облака легла густая тѣнь.

И облачко пушистое съ могучею слилось.
Возникла въ поцѣлуѣ ихъ мгновенность разныхъ розъ.

И бѣлыя, и красныя, и черныя, весь кустъ,
Разросся и раскинулся, весь полный жадныхъ усть.

Внезапно пронизался онъ изломчивымъ огнемъ,
Внезапно разрумянился игрою молній громъ.

И облачко, прилипшее къ той тучѣ грозовой,
Ниспало каплей свѣтлою, восторгъ узнавши свой.

КОНИ БУРЬ.

Ржали громы по лазури,
Разоржались кони бурь,
И дождавшись громкой бури,
Разрумянили лазурь.

Громы, рдѣя, разрывали
Крѣпость мраковъ, черный кругъ,
Въ радость радуги играли,
Воздвигали рдяность дугъ.

Завершивъ свой подвигъ трудный,
Ливень струй освободивъ,
Миръ растений изумрудный
Весь прикрыли мглою гривъ.

И промчались въ небѣ взрытомъ,
Арку радуги дожгли,
И ушли, гремя копытомъ.
Чу, послѣдній громъ вдали.

ЗА ГРОЗОЙ.

Гроза ушла. Окованъ громъ.
Далекій голосъ чуть грозить.
И межъ разъятыхъ тучъ сквозить
Луна холоднымъ серебромъ.
Голубоватымъ серебромъ
Внутри замлѣли облака,
И тутъ разрывъ, и тамъ изломъ.
И вотъ ихъ бѣлая рѣка,
Не по земному широка,
И вспѣнена не по земному,
Сплетаетъ длинный саванъ грому,
Который умеръ на три дня,
Въ гробу лазоревомъ безгласенъ,
Но снова, яростно - прекрасенъ,
Возстанетъ въ змѣйностяхъ огня.

ЗАЧАРОВАНИЕ.

Я былъ въ таинственныхъ чертогахъ
Зачарованія собой,
Молчитъ тамъ стража на порогахъ,
И говоритъ полночный бой.

Лишь только въ полночь, въ часъ созвѣздный,
Пробьютъ старинные часы,
Я вижу тамъ, надъ звѣздной бездной,
Встаютъ двѣ равныхъ полосы.

Одна черна, какъ воронъ черный,
Чернѣ самыхъ черныхъ глазъ.
Другая, въ яркости повторной,
Какъ гранетысячный алмазь.

Они ведутъ, и мнѣ знакомы,
Они являютъ путь двойной,
Въ нихъ солнца, молніи, и громы,
Все то, что было здѣсь со мной.

Не вопрошу я — Чтó ты? Ктó ты? —
Кого бѣ ни встрѣтилъ на пути: —
Давно мнѣ вѣдомы темноты,
И буду въ нихъ еще идти.

Не удивлюсь я краскамъ радугъ,
И самоцвѣтностямъ дорогъ: —
Я вѣдалъ множество загадокъ,
Но всѣ ихъ разгадать я могъ.

Предѣль довѣренъ вѣрной стражѣ.
Иду. Какъ сладко отдохнуть.
И въ этотъ мигъ — вотъ въ этотъ даже —
Короче въ бездну безднѣ мой путь.

БОРЬ.

Наклоняясь къ соснѣ, я вбираю въ себя
Благовоніе пряное смоль.
А добычу на дальнемъ суку теребя,
Съ ликованьемъ клекочетъ орель,

Воркованью подобенъ клекочущій звукъ,
Онъ доволенъ, могучій летунъ.
И хочу я движенья играющихъ рукъ,
Золотого мельканія струнъ.

Вотъ пошелъ по верхамъ перекастистый гуйль,
Перемольвь, восходящая въ хоръ.
И орель неспѣша два крыла развернулъ,
Покидая для облака — боръ.

ДРЕВЕСНАЯ СКАЗКА.

Въ молчаньи древесныхъ стволовъ
Есть тишь заколдованныхъ сновъ,
Въ упорѣ захватномъ корней
Извивы продлившихся дней.

Одна вѣковая сосна
Скрѣпленная чудо - страна,
Одинъ зачарованный дубъ
То шопоты призрачныхъ губъ.

Уборъ бѣлоствольныхъ березъ
Какъ бѣлыя снѣжности розъ,
Въ медвяномъ цвѣтеніи липъ
Влюбленной мечты перегибъ.

Древесную сказку любя,
Мы помнимъ давнишнихъ себя,
И руны звѣздить высота
Въ серебристыхъ шуршаньяхъ листа.

ОСЕННИ ПРАЗДНИКЪ.

Еще осень моя не настала,
Но высокое лѣто прошло,
И деревья напѣвомъ хорала
Овѣвають мой праздникъ свѣтло.

Это праздникъ великій сознанья,
Что загихъ огнеметный драконъ,
И огонь не уменьшилъ сіянья,
Но возникъ какъ рубиновый тронъ.

Надъ вершинами алое чудо,
Благодать снизошла съ высоты,
И исполнены долгаго гуда
Озаренныя краской листы.

Широко, какъ послѣднія пчелы,
Перекатная сказка поетъ,
Уходя за сосѣдніе долы,
Упадая въ сознанье какъ медъ.

Высоко, къ благодатностямъ Юга,
Улетаютъ семьей журавли,
Я какъ точка безмѣрнаго круга,
Все — мое; и вблизи, и вдали.

ОСЕННИЙ ЛѢСЪ.

Лѣсная чаша. Въ изумрудъ,
Еще недавно, тамъ и тутъ,
Рубины изливались, рдѣя.
Теперь, парча листвы, сполна,

Какъ дымно - желтая стѣна,
Броня деревъ шуршитъ, рдѣя.
Цвѣтъ постарѣвшій, — не сѣдой,
А сѣро-пепельный, подсѣдный, —
Скользится по этой сказкѣ мѣдной,
И, вспыхнувъ, гаснетъ чередой.
Такъ въ часъ вечерній, козодой,
Въ лазури неба, передъ нами,
Мелькнетъ невѣрными крылами,
Свершая быстро путь витой,
И вдругъ исчезнетъ надъ водой,
Гдѣ, взоръ души слявъ съ мечтами,
Послѣдній медлитъ лучъ златой.

НАПОСЛѢДКИ.

Вотъ и Осень золотая
Къ намъ приходитъ вновь.
Гуще дымка, утромъ тая,
И одѣлся лѣсъ, блистая,
Въ листья, красные какъ кровь.

Я бы думалъ, что весною
Мѣсто для огня.
А межъ тѣмъ, какъ будто зною,
Всею листвою расписною,
Служить въ осень головня.

Раскутился напоследки
Зорно-красный цвѣтъ.
Листъ ярчѣй, но листья рѣдки,
И паукъ, сплетая сѣтки,
Чинить листьевъ рваный слѣдъ.

Какъ падеть рубинъ шуршашій
Въ паутинный сводъ,
Рухнетъ вдругъ балконъ дрожащій,
И на зимній сонъ, изъ чаши,
Осень зодчаго зоветъ.

Но паукъ, ея не слыша,
Протянулъ канатъ.
Вотъ готова стѣнка, ниша,
Скрѣплена узорно крыша,
Ждетъ гостей, любому радъ.

ОСЕНЬ.

Влага прохладною стала.
Вечеромъ — гдѣ онъ, рубинъ?
Зори — въ мерцаньяхъ опала,
Облачки — полчища льдинъ.

Осень серпомъ однозубымъ
Сжала вплотную поля.
Воздухъ сталъ жесткимъ и грубымъ,
Сохлой листвою шевеля.

Минуло красное лѣто,
Спи же, цвѣтовъ не ища.
Хочешь ли краснаго цвѣта?
Вотъ тебѣ листься плюща.

ВЫСОКАЯ СВѢЧА.

Широкимъ шелестомъ шуршашій Океанъ,
Паденье звѣздъ золотыхъ, снѣжинокъ Сентября,
И вечеръ удлиннилъ начетистый обманъ,
Высокая свѣча уменьшилась, горя.

О, гдѣ вы лѣтніе — съ зари и до зари —
Прозрачно-свѣтлые утра и вечера?
Я памятки о васъ нижу какъ янтари,
А Ночь глубокая поетъ: „Уснуть пора“.

ЧЕТЫРЕ СВѢЧИ.

Мнѣ снились четыре свѣчи въ канделябрахъ старинныхъ,
Чтобъ вылить ихъ, пчелы золотыя жужжали весной,
И лѣтомъ летали, касаясь расцвѣтовъ долинныхъ,
И въ улей запрятали, съ медомъ, свой воскъ расписной.

Высокія свѣчи различными были по цвѣту,
Лазурный, и алый, и желтый, и бѣлый былъ цвѣтъ,
Свѣча голубая свѣтила и Маю и Лѣту,
А Солнцу высокому рдяный свѣтился расцвѣтъ.

Пока же я спалъ, пауки заплели паутинки,
И желтая, тихо дымясь, засвѣтилась свѣча,
По небу безгласныя тучки скользили какъ льдинки,
И ласка луча для лица не была горяча.

Когда же и эта потухла, въ снѣжащемся воскѣ
Возникло четвертое пламя, послѣдній огонь,
И мнилось мнѣ, гдѣ-то скрѣпляли сосновыя доски,
И бѣлый, весь бѣлый, явился предсказанный конь.

РАСЦВѢТАЛИ.

Расцвѣтали звѣздочки сирени,
И вдыхалъ ребенокъ жизни ихъ.
Садъ. Балконъ. Завѣтныя ступени.
Птица въ клѣткѣ, въ дѣтскомъ сердцѣ стихъ.

Расцвѣтали серьги золотыя,
Чашечки акаціи златой.
Строки - кольца глянули, литыя,
Искры Солнца пали чередой.

Расцвѣтали алыя гвоздики,
Отъ огня слѣпыя лепестки,
Въ сердцѣ, знавшемъ пѣсню, пѣли крики,
Всѣ міры откинулись въ зрачки.

Расцвѣтали снѣжно иммортели,
Отцвѣтанья не было у нихъ.
И о нихъ поютъ въ горахъ метели,
Лишь о нихъ поетъ тебѣ мой стихъ.

КУПИНА.

Купина огнепалимая,
Это сердце здѣсь въ груди,
Какъ вошелъ въ огонь и въ дымы я,
Такъ назадъ меня не жди.

Я горю въ самосожженности,
Въ распалаемой печи,
Чтобы яркія стозвонности
Міру бросили лучи.

Купина огнепалимая,
И хранимая во вѣкъ,
Всѣмъ сердцамъ, какъ свѣточъ, зрима,
Да не гаснетъ человѣкъ.

КРОВЬ ОТДАВШІЙ.

Кровь отдавшій, ликомъ бѣлый,
Саванъ взявшій, вотъ онъ спитъ,
Неподвижный, онѣмѣлый,
Пятикратностью пробить.

Сколько чувствъ стѣнящимъ людямъ
Ниспослала вышина,
Все, въ чемъ были, все, въ чемъ будемъ,
Свѣтлый, принялъ онъ сполна.

И во знаменье принятья
Этой жизни, ввергнуть въ сонъ.
На крестѣ, раскрывъ объятя,
Пятикратно онъ пронзенъ.

Но, довѣривъ долу тѣло,
Свитокъ смертной пелены,
Онъ велѣлъ намъ мыслить смѣло,
Даль печальнымъ вѣрить въ сны.

Лды разъявъ потокомъ свѣта,
Солнце нѣжитъ небосклонъ,
И — святой псаломъ Завѣта, —
Слышимъ мы Пасхальный звонъ.

Силенъ голосъ дней грядущихъ,
Свѣтлый праздникъ къ намъ придетъ,
Богъ живой во гробѣ сухихъ
Не обманетъ тѣхъ, кто ждетъ.

И цвѣтокъ въ саду раскрытый,
Вторитъ звѣздочкой цвѣтной: —
Вотъ я вышелъ, тюрьмы срыты,
Богъ любви воскресъ — весной.

ВЕСНОИ.

Весной истончаются льдины,
Широкая плещет волна,
И въ сердцѣ слова, что едины,
Встають какъ расцвѣты со дна.

Весною подь пѣніе птицы
Рождается пѣніе строкъ,
Зерно изъ подземной темницы
Встаетъ какъ зеленый ростокъ.

Въ деревьяхъ сокрытыя струи
Блестятъ какъ сережки березъ,
Подъ звонъ, въ міровомъ поцѣлуѣ,
Весной воскресаетъ Христось.

ПАДШАЯ-ПАВШАЯ.

Ты упала — упала,
Ядовитое жало
Эту душу пронзало,
И пронзило совѣмъ.
Ты лежишь помертвѣвшей,
Но свѣчою зардѣвшей
Я надъ жизнью истлѣвшей
Возжигаю — Эдемъ.

Ибо наши паденья,
Какъ и наши взнесенья,
Суть великость служенья,
Мигъ каждаго Тому,
Кто наполнилъ насъ кровью,
Повелѣлъ намъ быть новью,
Изъязвляться любовью,
И не знать — почему.

ПАРУСА.

Красный парусъ въ синемъ Морѣ, въ Морѣ голубомъ.
Бѣлый парусъ въ Морѣ сѣромъ спитъ свинцовымъ сномъ.
Синій парусъ взвился въ вихрѣ, закрутился валъ.
Черный парусъ, въ часъ безвѣтрій, тихо задремаль.

Много сновъ и много красокъ вижу въ Морѣ я.
Много птицъ надъ нимъ провѣтъ въ дальніе края.
Но всего красивѣй Море — зеркаломъ безъ дна.
Счастливъ тотъ, кому зеркальность истинно дана.

ОПАЛЫ.

ВЪ ЛАДЬЪ.

И въ солнечной ладьѣ, и въ лунной,
Мы долго плыли по волнѣ.
Разсказъ объ этомъ, полнотрунный,
Гребцами былъ довѣренъ мнѣ.

Ужъ мы исчерпали земное,—
И цвѣтъ, и колось,— навсегда.
И намъ остались только двое,
Два бога, Небо и Вода.

Вода, лазурная богиня,
И Небо, звѣздно-синій богъ.
Привѣтъ сердцецъ тебѣ, Пустыня,
Гдѣ нѣтъ слѣда, гдѣ гаснетъ вздохъ.

Въ ладьѣ и солнечной и лунной,
Мы долго плыли по волнѣ.

И не смущалъ насъ гулъ буранный,
И звонъ звучалъ струны къ струнѣ,

Когда жъ кроваваго заката
Пожаръ послѣдній догорѣлъ,
Одѣло призрачное злато
Красивость нашихъ стройныхъ тѣлъ.

И серебристою улыбкой
Изъ мглы высотъ продлился лучъ.
И въ этой сказкѣ лунно-зыбкой
Я лунно-зыбко сталъ пѣвучъ.

Довѣрясь только свѣтлымъ далямъ,
Мы — духи лунной полутьмы.
И гдѣ вздохнемъ, и гдѣ причалимъ,
Объ этомъ знаемъ только мы.

РОСА.

Двѣ-три капельки смолы
На соснѣ
Суть прозрачныя хвалы
Жизни, Солнцу, и Лунѣ.

Иней въ звѣдочкахъ нѣмыхъ,
На окнѣ
Есть звѣздистый стройный стихъ
Жизни, Солнцу, и Лунѣ.

Бриллиантъ - хрусталь - роса,
Вся въ огнѣ,
Зыбь лобзаній, въ небеса,
Жизни, Солнцу, и Лунѣ.

И слеза, что такъ свѣтла,
Въ тишинѣ,
Есть безсмертная хвала
Жизни, Солнцу, и Лунѣ.

ЗВѢЗДНЫЙ ЗВОНЪ.

Въ звѣздахъ — звонъ. Но мы не слышимъ.
Но вѣдь мы не слышимъ много.
Вотъ лунатикъ у порога.
Вотъ онъ вышелъ. Онъ на крышѣ.
Долженъ онъ идти все выше.
Онъ проходитъ по чертѣ.
Какъ идетъ онъ, я не знаю; —
Безошибочно, по краю,
Онъ проходитъ въ высотѣ.

Бѣлый призракъ, спитъ, но дышитъ,
Ликъ подъятый озарень.
Я не слышу, онъ же слышитъ
Лунный зовъ и звѣздный звонъ.

ЛУННЫЙ СОКЪ.

Обильная сокомъ Луна
Золотой расцвѣчаетъ свой медъ.
Поля. Полумгла. Тишина.
Полночь счетъ свой ведетъ.
Все въ золѣ пепелище зари.
Счетъ идетъ.
Огъ единства чрезъ двойственность въ стройное три,
Мировое четыре, безумное пять,
Черезъ шесть освященное семь,
Восемь, Вѣчности ликъ, девять, десять опять,
И одиннадцать. Дрогнула темь.
И двѣнадцать. Горитъ вышина.
Просіялъ небосклонъ.
Луннымъ звономъ вся полночь полна,
Лунный звонъ.
И воздушно, съ высокой и злой высоты,
На лѣса, на луга, на листы, на цвѣты,
На мерцанья болотъ, на шуршаніе нивъ
Полнолуница льетъ свой колдующій медъ,
И безумья струитъ, и взрождаетъ приливъ,
Заковала весь міръ въ голубой хороводъ.
О, Луна, ядъ твой свѣтлый красивъ!

НОВЫИ СЕРПЪ.

Я Новый Серпъ средь лунныхъ начертаній.
Подсолнечникъ въ Юльскомъ я саду,
Ликъ Солнца, зачинатель мірозданій,
А въ ночь, меня ища, люби звѣзду.

Я зыбь морей въ немолкнущемъ бурунѣ,
Бездонный безъизмѣрный небосклонъ,
Я незабудка въ Маѣ и въ Юнѣ,
Я маковое зернышко, я сонъ.

МѢСЯЦЪ.

Мѣсяць мѣряетъ недѣли,
Измѣняясь въ красотѣ.
Вотъ онъ виденъ еле - еле,
Серповиденъ въ высотѣ.

Вотъ онъ серпъ для жатвы годный,
Заостренный тамъ внутри.
Вотъ плыветъ надъ бездной водной
Полумѣсяць, — посмотри.

Все пышнѣе, все свѣтлѣе,
Вотъ онъ всталъ какъ полный шаръ.
Словно гдѣ - то тамъ, алѣя,
Въ кругѣ зарева — пожаръ.

Вотъ все позже онъ восходитъ,
Съ краю выемъ, убыль въ немъ.
Чахнетъ блѣдный, грустно бродить,
Опрокинуть, виденъ днемъ.

Меньше, тоньше, гаснетъ, тая.
Умеръ. Нѣтъ намъ лунныхъ нѣгъ.
Ждемъ. И вновь черта золотая,
Мѣсяць мѣряетъ разбѣгъ.

ОКРАИНОСТЬ.

Ты мнѣ являешься Царевною жемчужинъ,
Вся осіянная начальною Луной,
Чей серпъ утонченный, взростая, всеокруженъ.
О, Златоокая, зачѣмъ ты не со мной?
Опалы нѣжные я сердцемъ собираю,
Изъ тайныхъ раковинъ зову я жемчуга,
И глянь на Море ты.. Туда... Въ крайность... Съ краю
Я влаги зачерпнулъ, и дождь къ тебѣ бросаю.
Тѣ брызги для тебя. Ты все мнѣ дорога.
Но, множа говоръ волнь, съ лазурью Моря друженъ,
Я разлученъ съ Луной, и съ лучшей изъ жемчужинъ.

ИЗЪ ВСѢХЪ ГЛУБИНЪ.

Изъ всѣхъ глубинъ собравши всѣ жемчужности,
На берегу, я думаю, одинъ,
О роковой блистательной ненужности
Всѣхъ жемчужовъ глубинъ.

Обрывы скаль. Мой край — необитаемый.
Здѣсь гибнуть всѣ, въ прибоѣ, корабли.
И праздникъ дней, всегда въ минутахъ чаемый,
Всегда, навѣкъ, вдали.

Лишь всплески волнь, въ безчисленной повторности,
Несутъ напѣвъ, не здѣсь пропѣвшихъ, струнь.
И жемчуга горять, въ своей узорности,
Какъ сонмы мертвыхъ лунь.

БѢГЪ МИНУТЬ.

Ты видалъ, у Моря сѣраго, какъ мятелятся пески?
Ты бродилъ, тоской истерзанный, въ темномъ лѣсѣ, вдоль
рѣки?
Ты внималъ, овѣянь вьюгами, вѣтра призрачный рассказъ?
Ты считалъ шуршанья шороховъ, бѣгъ минутъ въ пол-
ночный часъ?
Ты слыхалъ, какъ вихри носятся, завывая сквозь трубу?
Ты узналъ, какъ сердце просится прочь бѣжать, сломивъ
судьбу?
Ты узналъ души рыданіе безъ слезы сомкнутыхъ глазъ?
Ты узналъ ли все страданіе вѣдать мысль въ послѣдній
разъ?

ЗА ПОРОГОМЪ.

Живой! Ты не знаешь, куда ты вступилъ?
Ты ищешь мгновений въ Быломъ!
Но звоны струны и бряцанья кадилъ
Смолкаютъ въ моей равновстрѣчности силъ.
Здѣсь Воронъ провѣялъ крыломъ.

Я судьбы свершаю, я пряжу пряду.
Ты вѣдалъ, какъ колется тернь?
Лишь капелька крови,— и умъ твой въ бреду,
И сонъ твой чрезъ триста я лѣтъ поведу.
Я Норна. Ты знаешь ли Норнь?

ВЪ ЛѢСУ.

Я былъ въ лѣсу. Деревья не дрожали.
Они застыли въ ясной тишинѣ.
Какъ будто въ мѣрѣ не было печали.
Какъ будто пытку не судили мнѣ.

Кто присудилъ? Не такъ же ль я безгласенъ,
Какъ этотъ мѣръ вѣтвей, вершинъ, стволонъ?
Не такъ же ль мѣръ мечты воздушно ясенъ,
Моей мечты и тиховѣйныхъ сновъ?

Но вотъ, когда деревья, тѣснымъ кругомъ,
Другъ другу дышутъ, и сплетаясь растутъ,
Я долженъ быть врагомъ иль скуднымъ другомъ,
Душой быть тамъ, когда прикованъ тутъ.

Раздѣльность дней. Безбрежность разлученья.
Прощай. Прощай. Чуть встрѣтился, прощай.
Идти путемъ глубокаго мученья,
И лишь на мигъ входить, чрезъ зиму, въ май.

Я падаю. Встаю. Иду. Теряюсь.
Молю тебя: ты, кто-нибудь, услышь.
Схожу съ ума. Въ бездонномъ измѣняюсь.
Но лѣсъ молчить. Молчить. Какая тишь!

ВСЕ БЛИЖЕ.

Все ближе, и ближе къ завѣтному краю, еще, и еще, и
совсѣмъ.
Иду ли я къ безднѣ, иль къ свѣтлому раю,— не знаю,
и слѣпъ я, и нѣмъ

И если бь я видѣль, — пойду необманно, чтобъ только,
до края дойти.
И если бы могъ вопрошать, — не спросилъ бы другихъ
о послѣднемъ пути.
Я буду ли вѣчно глядѣть на повторность — всего — въ кру-
гозданныхъ зрачкахъ?
Я буду ли вѣчно вникать въ неземное — въ земныхъ и
людскихъ голосахъ?
Иду, и ужь ноги скользятъ, — и секунды звенятъ о черту
острїя.
Какъ радостно быть безъ конца одинокимъ, и вѣдать,
что Вѣчность — моя.

КОЛОСЬЯ.

Качаются, качаются
Колосья пожелтѣлые.
Встрѣчаются, вѣнчаются
Въ мечты минутно-смѣлыя.

Цѣлуются, цѣлуются
Воздушностью касанія.
Въ мгновеніи милуются
Предсмертныя лобзанія.

УЩЕРБЪ.

Шумѣли и шушукались
Сосны шуршащей сучья.
А рыбы убаюкались,
Уснула жадность щучья,
Наѣвшися плотиць,
Среди рѣчныхъ станиць.

Настали дни осенніе,
Въ лугахъ одни отавы,
Все плѣннѣе и плѣннѣе
Объѣденныя травы.
Воздушный клинъ вдали, —
Исчезли журавли.

И воютъ оголтѣлые,
Въ ночи, сычи и совы.
И заморозки бѣлые
Плетутъ полямъ покровы.
И въ небѣ желтый серпъ
Свелъ въ цѣльность весь ущербъ.

ЗИМА.

Вѣтры зиму строятъ на высотахъ.
Въ блѣдномъ, въ серебристомъ, въ позологахъ.
Много разсыпаютъ бѣлыхъ розъ.
Звонкій укрѣпляется морозъ.

Горы увѣнчали въ снѣговое.
Бѣлымъ озарили голубое.
Скованность скрѣпили какъ законъ.
Бѣлой смерти дали вышній тронъ.

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ.

Что сѣвернымъ мы называемъ сіяньемъ,
Есть не сіянье, — игранье лучей.
Владѣть великимъ оно разстояньемъ,
Рожденье различнымъ даетъ чарованьямъ,

Узорной легендой встаетъ для очей.
Сперва это — отбѣль: на Сѣверѣ, бѣлый,
Блѣднѣющій свѣтъ, какъ бы Млечный путь,
Но вотъ розовѣютъ цвѣтныя предѣлы,
Багровѣютъ зорники, зори тѣ смѣлы,
Лучи полосами, цвѣточная жуть,
Столбы ярко-красныя, вонь еще синій,
Огнемъ наливаются тамъ багрецы,
Играютъ костры по воздушной пустынь,
И трескъ пережатый, во всѣ концы.
То — сполохи. Рдѣютъ и зрѣютъ убранства,
Въ ночи, осіянные, дышутъ столбы.
Какой пролегаетъ здѣсь путь чрезъ пространство?
О чемъ-то, по краскамъ, гаданье Судьбы.

СЕРЕБРЯНЫЙ ПУТЬ.

Снѣгъ былъ за-ночь. Убѣлилась веревъ.
Удорожилась дороженька моя.
Отъ пороши самой первой — санный путь.
Въ осребренность. Сердце, есть на что взглянуть.

Снѣгомъ бѣлымъ все прикрыла намъ Зима.
Лѣсъ какъ сказка. Звѣздной ночью свѣтитъ тьма.
И не знаешь, звѣзды ль, снѣгъ ли весь въ лучахъ.
Или это — что-то здѣсь — въ моихъ глазахъ.

ВЪ СНѢЖНОЙ ЗАМЕТИ.

Въ снѣжной замети кружиться, —
Оснѣжишься только весь.
Ужь покуда ночь продлится, —
Мы въ лѣсу побудемъ здѣсь.

Утромъ Солнце загорится,
Намъ сверкнетъ алмазомъ - льдомъ,
Будетъ настъ, и снѣгъ сплотится, —
Какъ по мосту мы дойдемъ.

ЧЕТЫРЕ.

Отблескъ зеркальный дальной Луны,
Ландышъ вѣнчальный, вздохъ тишины,
Это влюбленность Весны.

Жаркой гвоздики лики кругомъ,
Красныя вскрики, жаръ надъ цвѣткомъ,
Это есть Лѣто съ огнемъ.

Танецъ багряный пьяныхъ листовъ,
Яркія раны, токъ холодовъ,
Осень, и вдовій покровъ.

Бархатный иней, синяя тьма,
Льдяности линій, тишь, терема,
Это царица Зима.

ЗВѢЗДНЫЙ МОСТЪ.

Однажды Богъ печалень былъ,
Упало много звѣздъ.
Потоки слезъ, потокъ свѣтилъ,
На Землю звѣздный мостъ.

Огни въ разъявшея Землѣ
Упали глубоко.
И снова свѣтеть Богъ во мглѣ,
Ему теперь легко.

А слезы - звѣзды, въ глубинѣ,
Какъ зерна, проросли.
И свѣтитъ ландышъ при Лунѣ,
Въ серебряной пыли.

Вся многозвѣздность Божьихъ думъ
Какъ садъ и лѣсъ взошла.
И нѣженъ желтой нивы шумъ,
Какъ тихій всплескъ весла.

БѢЛЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Мерцающа бѣлымъ, тихій Призракъ явился мнѣ въ ночи,
И мнѣ сказалъ, чтобъ пересталъ я оттачивать мечи,
Что человекъ на человека усталъ идти войной,
И повелѣлъ мнѣ наслаждаться безгласной бѣлизной.

И я, свое покинувъ тѣло какъ бѣлая душа,
Пошелъ съ нимъ въ горы, и увидѣлъ, что высь тамъ
хороша,

Вершины въ небо восходили громадами снѣговъ,
И были доли въ блѣдномъ свѣтѣ тѣхъ лунныхъ мая-
ковъ.

По склонамъ ландыши бѣлѣли въ недвижности своей,
И много бѣлыхъ розъ изъ снѣга, и бѣлыхъ орхидей,
Весь мѣръ, одѣтый въ этотъ лунный и звѣздный бѣлый
свѣтъ,

Былъ какъ единый исполинскій мерцающій букетъ.

И всѣ дѣла, и всѣ мечтанья, гдѣ не было вражды,
Преобразились въ снѣгъ, и въ иней, и въ вырѣзные
льды,
Но сердце свѣтлое не стыло, и зналъ весь мѣръ со мной,
Что человекъ на человека усталъ идти войной.

ТИХАЯ ПОВѢТЕРЬ.

Тихая повѣтерь въ Бѣломъ дышетъ морѣ.
Тихая повѣтерь. Можно плыть въ просторѣ.
Мы моленье Вѣтру вслухъ произносили:—
Не сердчай. Дай льготу. Будь потише въ силѣ.—
На Востокъ смотрѣли. Западу шептали.
Напекли блиновъ мы, наварили каши.
Бросили лучинки, и поплыли въ валѣ,
За крестомъ лучиннымъ. Въ вѣтрѣ лодки наши.
Тихая повѣтерь, вѣй, Праматерь Моря,
Рыбарей баюкай, съ блѣдными не споря.

РЫДАЛЬЩИЦА.

Рыдальщица! Зачѣмъ рыдать?
Смотри на Море.
Была тамъ буря, стала гладь.
И въ тихомъ твой мертвецъ уборѣ.

Мертвецъ ли? Только онъ уснулъ.
Смотри на Море.
Отъ водъ идетъ растущій гулъ.
Всѣ капли въ громкомъ разговорѣ.

ЗАЧѢМЪ.

Зачѣмъ хотимъ мы вѣчности? Звучнѣй ли мы волны?
Свѣтлѣй ли въ нѣжной млечности, чѣмъ тучка вышины?
Не надо, сердце жадное, въ тебѣ чернѣть кровь,
Не надо, чтобъ ушедшее пришло и жило вновь.

Стремительность червонная, ты въ мозгъ живущій шлешь
Свой алый звонъ, и шаткую, и сладко-злую, ложь.
И хочешь въ упоительномъ такъ длительно звенѣть,
Какъ будто въ башняхъ Вѣчности не ихъ, а наша мѣдь.

О, нѣтъ, на башняхъ Вѣчности звучать колокола,
Но это звоны бѣлые, вся кровь изъ нихъ ушла,
Но это звоны звѣздные, а кровь упала внизъ,
Коль хочешь въ Вѣчность синюю, какъ иней серебрись.

Мгновенность неповторная лишь тѣмъ и хороша,
Что малыми песчинками играла здѣсь душа.
И только разъ нашъ мигъ — алмазь, вотъ гаснетъ онъ
прощай.
Въ Веснѣ всего прекраснѣе — что такъ проворенъ Май.

ОВАЛЪ.

Если Море, замирая, вновь лишается покоя,
Если Море, камни строя и оттачивая ихъ,
Безконечностью движенія, строгимъ ритмомъ повторенія,
Въ ихъ овалахъ означаетъ свой овальный мѣрный стихъ,
Я, тая мечты земныя, видя бухты вырѣзныя,
Море! Море! — весь внимаю пѣснѣ помысловъ твоихъ.

МИРОВАЯ ПЫЛЬ.

Мировая пыль Дороги млечной,
Драгоценный прахъ Дороги птицъ,
Водопадъ легенды быстротечной,
Бѣлое дрожаніе зарницъ.

Золотая пыль ложбины звѣздной,
Звоны всей созвѣздной высоты, —
Для чего я брошенъ въ мракъ морозный,
Отвѣчатель свѣтлый, гдѣ же Ты?

Я стою, забывши счетъ столѣтій,
Я стою, и зябну на посту,
Еще въ Ветхомъ молвилъ Ты завѣтъ,
Что уронишь свѣточъ въ темноту.

Но съ тѣхъ поръ ужъ сталь остывше-старымъ
Новый невосполненный завѣтъ,
Не согрѣтъ полночнымъ я пожаромъ,
Въ звѣздную одежду не одѣтъ.

Караваномъ — тучи вслѣдъ за тучей,
Я въ безгласномъ никну какъ ковыль,
Если жъ вспыхнетъ дискъ звѣзды падучей,
Онъ, взорвавшись, падаетъ какъ пыль.

ПОТУХШЕ ВУЛКАНЫ.

ПОТУХШІЕ ВУЛКАНЫ.

Потухшіе вулканы,
Въ странѣ агавъ и змѣй,
Въ вѣкахъ вы были рдяны,
Во дни весны своей.

Когда цари царили,
И каждый царь былъ царь.
Богамъ равнялись въ силѣ.
То было. Было. Встарь.

Возвысилъ пирамиду
Теотіуакань.

И храмъ людской, по виду,
Былъ огневой вулканъ.

Возвысилъ Храмъ Змѣиный
Узорчатый Уксмаль.
Еще нѣмой руиной
Съ высотъ глядитъ онъ вдаль.

Лежать безгласно страны,
Сражавшія врага.

Потухшіе вулканы
Окутались въ снѣга.

Погибъ въ Испанской петлѣ
Воитель Гватемокъ.
На Попокатепетлѣ
Огнямъ свершился срокъ.

Лишь слѣдъ огнистой славы
Еще хранить свѣтло
Внесенной Оризавы
Могучее жерло.

ТРИАДА.

Знай. Люби. Свой духъ избавь.
Трижды, въ цѣльномъ, Мірѣ прославь.
Цѣлей въ жизни только три,
Въ трехъ цвѣткахъ сполна гори.

Дѣтство — цвѣтикъ голубой,
Съ золотистой бахромой.
Свѣтомъ золота въ тѣ дни
Голубое отѣни.

Юность — заревный расцвѣтъ,
Страстны ласки юныхъ лѣтъ.
Красной сказкѣ разумъ радъ.
Разъ ты юнь, сорви гранать.

Третій, спѣлый, возрастъ твой
Снова полонъ синевой.
Но лазурный небосклонъ
Бѣлой дымкой обрамлень.

Равноденствіемъ души
Въ немъ себя ты утиши.
День и Ночь уравнивьсь,
Мірѣ твой цѣльнымъ будетъ весь.

ЗАВѢТЬ ПИΘΑΓΟΡΑ.

Θиміамъ—Богамъ, курящійся,
Человѣку же хвала.
О, мудрецъ, не зря мудрящійся,
Твой завѣтъ намъ—какъ скала.

Быстро, съ криками веселыми,
Побѣжимъ въ сосновый лѣсъ,
Въ красный лѣсъ, богатый смолами,
Для святилищныхъ завѣсь.

Предъ завѣсами цвѣтистыми,
Что расписаны умомъ,
Встанетъ дымъ струями мглистыми,
Сладковѣйнымъ вѣя сномъ.

Совершивъ обряды древніе,
Пѣсней чисель и свѣтилъ
Душу сдѣлаемъ напѣвнѣ,
Подъ бряцаніе кадилъ.

Мірозданіемъ обрадованъ,
Съ пляской солнцъ вступая въ ладъ,
Духъ взнесетъ синимъ ладаномъ,
Въ Синь, святую восьмикратъ.

Въ безднѣ вихрями овѣянный,
И громами осіянь,
Небомъ десять кратъ взлелѣянный,
Будетъ духъ и бѣль и рдянь.

И въ садахъ, гдѣ въ сны пурпурные
Замыкается мечта,—
И въ горахъ, гдѣ дни безбурные
Множить въ числахъ высота,—

И въ моряхъ, гдѣ мгла, бурунами,
Похваляется, вскипѣвъ,—
Златопѣвческими струнами
Пропоемъ мы нашъ напѣвъ.

Θиміамъ—Богамъ, курящійся,
Боговидцу же—хвала.
Твой завѣтъ, донинѣ длящійся,
Есть душистая смола.

ЧИСЛА

Ты знаешь: 8 есть число
Того, чье имя — Вѣчность.
Направь ладью, возьми весло,
Путь чисель — безконечность.
Ликъ чисель — звѣздный небосводъ,
Тамъ числа въ звѣздной пляскѣ.
Ростеть ихъ многозвѣздный счетъ,
Заданью нѣтъ развязки.
Задача чисель — тайну плести,
Сквозную сложность сѣтокъ.
И 2, и 3, и 5, и 6
Суть вѣхи для отмѣтокъ.
Въ вѣкахъ раскинутое 7,
Во всѣ концы 4,
Ведутъ къ разсвѣту черезъ темь,
Къ угламъ устоя въ мѣрѣ.
Сложи — и 8 предъ тобой
Являетъ ликъ змѣиный,
Какъ духъ въ пустынь голубой,
Надъ нашей дольной глиной.
Изъ глины — красный ликъ, Адамъ,
Двойкій образъ — Ева.
Весь Мѣръ есть садъ, что отданъ намъ,
Направо и налево.
И восьминогий намъ паукъ,
Чтобъ ликъ являть загадокъ,
Изъ паутины создалъ кругъ,
Весь полный тонкихъ радугъ.

ЗНАКИ.

Паукъ размѣтилъ паутинки, а мысль идетъ по нимъ до
Бога,
Сплетя дрожанья тонкихъ радугъ въ узоры вѣчнаго
чертога.
Цвѣтокъ цвѣтетъ, чтобъ свѣтлой пылью въ другомъ
цвѣткѣ скользнуть любовью,
Пчела же медь создастъ изъ пыли, себя увивъ цвѣточ-
ной новью.
Случайный вздохъ вѣтровъ бродячихъ, мгновенный свѣтъ
снѣжинки бѣлой,
То путь мечты, свой мигъ вкусившей, и къ бѣгу въ Вѣч-
ность — осмѣлѣлой.

ПРИБЛИЖАЯСЯ КЪ АЛЕКСАНДРИИ.

Заходящее Солнце уходило за Море,
Сердоликовый цвѣтъ въ небесахъ былъ разлитъ.
И шумѣло мнѣ Море въ многопѣвномъ узорѣ:—
Вотъ ты прибылъ въ святую страну Пирамидъ.

Желтизна побережья отшумѣвшей столицы,
Гдѣ багряныя сказки въ столѣтьяхъ зажглись.
Надъ преддверьемъ въ Египетъ — длиннокрылыя птицы.
Вотъ откроется Ниль! Да, я твой, Озирись.

НИЛЬ.

Истоки безвѣстны, затеряны.
Породилъ ихъ Эдемъ или Адъ?
Жрецы не увѣрены.
Но одинъ и другой водопадъ,

Но одинъ и другой водоскатъ,
Прихотливости коихъ измѣрены,
Не велятъ возвращаться назадъ.
И пошли. Отъ оазиса Южнаго
Все на Сѣверъ, впередъ и впередъ.
Посвященные Братства содружнаго,
Средь пустынь, соколиный полеть.
Лотоса чашечки синія,
Голубыя, и бѣлыя, вотъ.
Папируса строгія линіи,
Цвѣтенье къ молитвѣ зоветь.
Снѣжистость въ горахъ Абиссиніи
Растаяла, влага плыветь.
Ниль разлился, гудить и реветъ.
Заплетитесь же всѣ въ хороводъ.
Закружитесь. Мы въ мірѣ затеряны.
Всѣ возможности численно смѣряны.
Отъ истоковъ до устья. Впередъ!

ЕГИПЕТЪ.

Страна, гдѣ нѣтъ ни грозы, ни грома,
Въ размѣрной смѣнѣ тьмы и дня,
Ни молнебыстраго излома
Живого вышняго огня.

Страна безъ радуги окружной,
Что семикратно славить свѣтъ,
Твой край, и Сѣверный, и Южный,
Однообразіемъ одѣтъ.

Взнеслась безгласно пирамида,
Маякъ для тысячи дорогъ.
Но ищетъ мертваго Изиды,
И Озирисъ возстать не могъ.

Возсталъ, но не живой для жизни,
А какъ властитель мертвецовъ.
И весь Египетъ — въ вѣчной тризнѣ,
Среди безчисленныхъ гробовъ.

ПОЛЯ ЕГИПЕТСКІЯ.

Плавно, словно иноходецъ,
Скачетъ осликъ. Путь далекъ.
Оросительный колодець
Ноетъ, воетъ, какъ гудокъ.

Два вола идутъ по кругу,
Все по кругу, безъ конца,
Вѣкъ прикованы другъ къ другу,
Волей знойнаго Творца.

И въ песчанья пространства
Дождь которыхъ не кропиль,—
Для зеленаго убранства
Мутной влаги ссудить Ниль.

Чтобъ другіе были сыты,
Чтобъ во мнѣ тупой былъ страхъ,
Мной пространства грязи взрыты,
Буду, былъ, и есмь феллахъ.

Темный, голый, червь надземный,
Пастью пашни взять и сжать,
Есмь, какъ былъ я, подъяремный,
Восемь тысячъ лѣтъ назадъ.

ГДѢ БѢ Я НИ СТРАНСТВОВАЛЪ.

Гдѣ бѣ я ни странствовалъ, вездѣ припоминаю
Мои душистые лѣса.
Болота и поля, въ поляхъ, отъ края къ краю,
Родимыхъ кашекъ полоса.

Гдѣ бѣ ни скитался я, такъ нѣжно снятся сердцу
Мои родные васильки.
И въ прошлое открывъ таинственную дверцу,
Схожу я къ берегу рѣки.

У старой мельницы привязанная лодка,
Я льну къ прохладѣ серебра.
И такъ чарующе, и такъ узывно - четко,
Душа поетъ: „Вернись. Пора“.

ПРЕКРАСНѢЙ ЕГИПТА.

ПрекраснѢй Египта нашъ Сѣверъ.
Колодець. Ведерко звенить.
Качается сладостный клеверъ.
Горить въ высотѣ хризолить.

А яркій рубинъ сарафана
Призывнѣе всѣхъ пирамидъ.
А рѣчка подъ кровлей тумана...
О, сердце! Какъ сердце болитъ!

РУБИЩЕ.

Египеть, рублище съ роскошной бахромой,
Куда уводишь ты корабликъ малый мой?

Зачѣмъ, о, царственный, въ вѣкахъ текущей, Ниль,
Въ пустыню желтую меня ты заманилъ?

Отъ скалъ Аравіи до тѣхъ Либійскихъ горъ,
Мнѣ малъ—хоть скудному—вспѣтый твой просторъ.

Отъ черной Нубіи до Дельты голубой,
Не усладился я, разливный Ниль, тобой.

Мнѣ Море чудится, вспѣненнымъ я рожденъ,
Я океанскою волной освобожденъ.

А суша мнѣ тюрьма, оковны сонмы скалъ,
Я дома прочнаго нигдѣ не воздвигалъ.

И не хочу я жить какъ тѣнь средь верениць
Тяжелыхъ пирамидъ, раскрашенныхъ гробницъ.

Покоя не хочу жрецовъ боговъ-звѣрей,
Едва чего коснусь, лечу я прочь скорѢй.

Тысячелѣтія сомкнутыя въ звено,
Тысячекратный разъ шумить веретено.

Въ тысячекратности молельный свѣтъ свѣчи.
Сознанье яркое, мой духъ отсюда мчи.

Что длилось,—рушилось. Что было,—то прошло.
Корабликъ малый мой, раскрой свое крыло.

Я птица вольная. Я два крыла раскрылъ.
И вьюсь, пою, смѣюсь. Прощай, мнѣ чуждый, Ниль.

ОКО.

Преступникъ, преступникъ, преступникъ вовѣкъ,
Убийца бѣгущихъ мгновений,

Ты презривъ теченье зиждательныхъ рѣкъ,
Завѣтъ изумрудныхъ растений,

Ты злой, ты напрасный, пустой человекъ,
Ты тѣнь ускользящей тѣни.

Ты вспомнишь. Ты вспомнилъ. Минута зажглась.
Цвѣтутъ эвкалипты молельно.

Съ лазури глядитъ укоризненный глазъ.
Себя ты растратилъ безцѣльно.

Что скажешь, какъ глянешь въ торжественный часъ?
Предъ Окомъ споешь ли свирѣльно?

Ищи волхвованій. Чу, шепчетъ трава.
Дыханій ищи въ эвкалиптѣ.

Не сможетъ укрыться твоя голова
Въ какой-нибудь призрачной криптѣ,
Въ ту ночь, когда взвѣшены будутъ слова,
Какъ сказано, древле, въ Египтѣ.

НЕЛЮДИМЪ.

Средь выжженной пустыни,
Что дномъ была морскимъ,
Глядитъ въ вѣка, донынѣ,
Гигантскій нелюдимъ.

Двѣ каменные тѣни,
И въ двухъ—единый онъ,
Создатель смутныхъ пѣній,
Разсвѣтный духъ, Мемнонь.

Лишь ночи кругъ замкнется,
И дню придетъ чередъ,
Мемнонь отъ сновъ проснется,
И призрачно поетъ.

Но лишь одинъ,—хоть двое
Глядятъ и въ свѣтъ и въ тьму.
То пѣніе живое
Дано лишь одному.

Другой глядитъ безгласно,
Не чувствуя огня.
Одинъ же, полновластно,
Поетъ рожденье дня.

Въ тѣ дни какъ было всюду
Теченье водъ морскихъ,
Циклоны—изумроду
Слагали звучный стихъ.

И, тѣло созидая,
Вложили въ тѣло крикъ,
Но встала тѣнь нѣмая,
Внимающій двойникъ.

И въ тѣлѣ крикъ, и пѣнье,
И страстная мечта.
Но съ тѣломъ повторенье,
Двойникъ и нѣмота.

Безгласна тѣнь растений,
Хотя шумять лѣса.
Безгласенъ рядъ видѣній,
Глядящихъ въ небеса.

Кто нѣмъ, тотъ жизнь не славить,
Онъ только тѣнь всегда.
Но ликъ онъ тотъ же явитъ
Въ великій день Суда.

Милый къ милой приникалъ.
И въ продленіе веселья
Приближалъ онъ къ ней бокаль.

Въ залюбованномъ дразненъи
Отдвигаясь отъ бокала
Вся свѣтясь, какъ струны въ пѣньи,
Вся таясь, какъ зыбь опала,
Уклонялася она,
Но, маня, предъ ней дрожала
Чаша полная вина.

Чаша счастья вырѣзная,
По бокамъ—разлитые Нила.
Солнце въ сердцѣ. Жизнь двойная.
Сказка. Слитность. Нѣжность. Сила.
Ротъ, какъ медь, ко рту приникъ.
Сердце видитъ, вспоминая,
Дань Изидой сердоликъ.

ЛЕВКАЙОНІЯ.

Левкайонія поцѣлуйная,
Ты взята лаской, какъ волной,
Ты вся какъ влага многоструйная,
И ты не можешь быть иной.
Вѣка—твой храмъ. Ты вся зазывная.
Даешь себя—губамъ, рукамъ.
Змѣиность страсти переливная,
Ты вызовъ бросила вѣкамъ.
Поцѣловавъ, не разучилася,
А научилась цѣловать,
И такъ любовь тобой плѣнилася,
Что сонмъ вѣковъ—твоя кровать.

Ты вся любовная симфонія,
Священный танецъ живота,
Свершенной тайности гармонія,
Стрѣлой пронзенная мета.

Кто былъ, кто былъ онъ, искусительный,
Кто эти губы цѣловаль?
Кто эти ноги, въ ласкѣ длительной,
Съ своими бѣшено свиваль?

Кто былъ, кто былъ онъ—въ завершенности
Паденья въ срывность васъ двоихъ,
Что далъ вѣка твоей влюбленности,
Какъ мы въ вѣка бросаемъ стихъ?
Не я ли, въ тѣхъ столѣтьяхъ тающихъ,
Не я ль сгорѣлъ въ сверканьяхъ грозъ,—
И вогъ слѣжу огни мерцающихъ
Твоихъ каштановыхъ волосъ.

НЕБЕСНАЯ ДОРОГА.

Бѣлый Ниль, Небесная Дорога,
Млечности созвѣдныя разлилъ.
А внизу, какъ даръ Рѣчного бога,
Голубой качаетъ звѣзды Ниль.

Гдѣ теперь царите, Фараоны?
Радостно ли въ царствѣ двойника?
Тѣ же ль тамъ красивые уклоны
Дѣлаетъ священная Рѣка?

Такъ же ль тамъ Амень-Готепъ четвертый,
Сердцемъ отдавая Солнцу дань,
Дискъ вознесъ, и Дискъ, свѣтло простертый,
Устремляетъ солнечную длань?

Такъ же ль тамъ вы ждете, чтобы узы
Сириусъ, всходя, разъялъ во мглѣ,
И прорвавъ, для пьянственности, шлюзы,
Ниль, вскипѣвъ, шумѣлъ бы въ Сильсилэ?

Такъ же ль Сестры любятъ тамъ и Братья,
Такъ же ль нѣжно слиты Братъ съ Сестрой?
Знаю, знаю, всѣ вы безъ изытъя
Слиты вмѣстѣ, звѣздъ пчелиный рой.

ВѢРНЫЙ.

Я вѣдаю—Боговъ, людей, звѣрей, цвѣтовъ—
Всю родословную.
И Солнцу посвятить покорность я готовъ
Безпрекословную.

Я вѣдаю—камней, и травъ, и птицъ, и сновъ—
Всѣ свойства дивныя.
Я знаю, какъ пропѣть передъ лицомъ Боговъ
Слова призывныя.

Я знаю, что, когда возсталъ безмодный Сэтъ
На Жизнедателя,
Для знаменья въ вѣкахъ — былъ вдругъ загашенъ свѣтъ
Міросоздателя.

Растерзанъ Озирисъ. Четырнадцать частей
Повсюду кинуты.
Растерзанность есть путь для ищущихъ людей,
Что въ міръ низринуты.

Разрывы сопоставь, и, части распознавъ,
Спаяй конечности.
И покидай свой гробъ, какъ стебель свѣжихъ травъ,
Будь въ Звѣздомлечности.

Аменти—все въ лучахъ. Изида, неспѣша,
Подходить стройная.
И колосья рдѣеть вновь. И, взоръ во взоръ, душа
Глядитъ достойная.

ЕГИПЕТСКИЙ БОГЪ.

Онъ восходитъ какъ солнечный лучъ,
Онъ сіяетъ какъ Мѣсяць, какъ вѣтеръ приходитъ,
Онъ какъ Ниль свои воды изъ бездны выводитъ,
Онъ какъ вешняя птица пѣвучъ,
Онъ по волѣ своей
Возникаетъ какъ звѣрь,
Какъ одинъ изъ звѣрей,
Догадайся скорѣй,
Загляни ему въ очи и вѣрь,
Онъ какъ Аписъ, какъ утренній Горъ,
Какъ овенъ, какъ Сэбець-крокодилъ,
Соколиный полетъ, дальномѣтящій взоръ,
Убаюкавшій лотосы Ниль,
Только въ небѣ онъ былъ, только Солнцемъ онъ былъ,
Какъ шакалъ онъ скользитъ близъ гробницъ,
Гдѣ бы ты ни зажегъ благовонье кадилъ,
Гдѣ бъ предъ нимъ ни повергся ты ниць,
Онъ съ тобою какъ лучъ отдаленныхъ свѣтилъ,
И какъ знаемость глянувшихъ лицъ.

АМЕНТИ.

Въ старинномъ саркофагѣ,
Замкнуты въ стройный плѣнь,
Слова безгласной саги,
Зеркальность перемѣнь.

Египетскія лица,
Воздушныя тѣла.
Цвѣтная вереница,
Вся жизнь, какъ была была.

Идутъ стада къ ночлегу,
Ростутъ колосья нивъ,
Хранить нѣмую нѣгу
Богатый ихъ разливъ.

Закатнаго пожара
Горятъ огни свѣтло,
На всемъ застыла чара,
Все въ сказку перешло.

Аменти, край предѣльный,
Колдуетъ тишина,
И кругъ являетъ цѣльный
Огромная Луна.

ОЗИРИСЪ.

Новое Солнце, Новое Утро, Новый Мѣсяцъ, и Новый
Годъ,
Пламя изъ тучи, утро изъ ночи, серпъ серебристый, цѣ-
люющій ротъ.

Новое Солнце сегодняшней жизни, Новое Утро текущаго
дня,
Краешекъ мига--до краешка мига, Солнцу возженъ зем-
ного огня.
Новое Солнце отмѣнится свѣтомъ Нового Года и Новой
Луны.
Богу стелите безгрѣшныя волны бѣлой сотканной льня-
ной пелены.
Новое Солнце, и Сириусъ съ Солнцемъ утренней въ небѣ
восходитъ звѣздой,
Слезы Изиды, что пали алмазомъ, Ниль отмѣчаетъ расту-
щей чертой.
Новое Солнце изъ кладезя Неба ринуло долу шумящій
разливъ,
Въ ульѣ небесномъ гудящія пчелы намъ возвѣщаютъ
шуршаніе нивъ.
Новое Солнце взманило побѣги, цвѣтъ изумруда изъ
мертвыхъ темнотъ,
Къ колосу колось, и сердце до сердца, новой спиралью
закрученный годъ.
Новое Солнце мы новою пѣсней въ новыхъ одсждахъ
возславить сошлись,
Ликъ воскресенья, зерно и цвѣтенъ, богъ возрождающій,
живъ Озирисъ.

ОНЪ ВРАЩАЮЩІЙ КОЛЕСО.

Пятьсотъ голубоватыхъ птицъ
Летѣли, млѣя, чрезъ пространство,
Пятьсотъ слоновъ склонились ницъ,
Узрѣвъ однажды постоянство,—

Души, отмѣченной межъ душъ
Для утвержденія покоя,
Кто межъ людей единый мужъ,
Познавшій ходъ страстей и зноя, —

Кто Майей былъ въ саду рождень,
При ликованьи всѣхъ растений,
Кто былъ цвѣткомъ сопровождаень
Въ Страну, гдѣ миръ безъ измѣненій, —

Кто былъ какъ лотосъ голубой,
И былъ какъ лотосъ нѣжно - бѣлый,
Какъ левъ недвижимъ предъ толпой,
Средь ужасовъ спокойно - смѣлый, —

Кто былъ какъ новая Луна,
Въ вѣкахъ сверкающее Солнце,
Въ безмѣрномъ Морѣ тишина,
И тихій лепетъ веретенца.

БЛАГОВѢСТІЕ.

Тотъ, кто думаетъ, что человѣкъ
можетъ быть убійцей, и тотъ, кто ду-
маетъ, что человѣкъ можетъ быть уби-
тымъ, оба не знаютъ ничего.

Бхагавадгита.

Кто думаетъ, что, убивая,
Онъ убиваетъ, тотъ слѣпецъ.
Кто думаетъ, что жизнь живая
Въ предѣльныхъ ликахъ, тотъ слѣпецъ.
На мигъ напѣвъ свой прерывая,
Я начинаю въ свой конецъ.

Кто думаетъ, что въ Мирѣ слитомъ
Есть пропасть смерти, тотъ слѣпецъ.
Кто думаетъ, что быть убитымъ
Концъ есть жизни, тотъ слѣпецъ.
Вѣка ходилъ я полемъ взрытымъ,
И изъ колосевъ плелъ вѣнецъ.

Что я, то я, и измѣненя
Суть только зрѣлица одеждъ.
Я прерываю праздникъ зрѣнья,
Привѣтъ мой сну сомкнутыхъ вѣждъ.
Но тьма и ужасъ нисхожденя
Есть восхожденіе надеждъ.

Что я, то я, не раздѣляетъ
Игра оружія меня.
Вода меня не потопляетъ,
Я цѣмень въ бѣшенствахъ огня.
Что это правда, сердце знаетъ,
И голосъ мой поетъ, звеня.

Кто думаетъ, что, умирая,
Онъ умираетъ, тотъ слѣпецъ.
Кто думаетъ, что жизнь, сгорая,
Не возгорится, тотъ слѣпецъ.
Я былъ въ Аду, и въ жаждѣ Рая
Изъ свѣжихъ травъ плету вѣнецъ.

ДОСТОВѢРНОСТЬ.

Тотъ же вѣрный точный счетъ,
Знанье точекъ и причинъ,
Мнѣ вѣщаютъ вѣрный ходъ
Отъ проваловъ до вершинъ.

Тотъ же вѣрный точный счетъ
Говорить мнѣ: Ты одинъ,
Тотъ родится, кто умретъ,
Чарой вѣчности причинъ.

И смотри: Въ выси темно,
Въ лунномъ царствіи ущербъ,
Вотъ и умерло зерно,
Всѣ колосья срѣзаль серпъ.

Но взгляни на вышину,
И взгляни передъ собой:
Видишь, новую Луну
На лагунѣ голубой?

И взгляни на ширь полей,
И взгляни передъ собой:
Какъ смѣется межъ стеблей
Василечекъ голубой.

ВЫШНІЯ ЗНАМЕНІЯ.

Глядишь ли ты въ лазоревыя дали
Ночныхъ небесъ?
Шатры отшедшихъ тамъ, свѣтлѣя, встали,
Лучистый лѣсъ.

Мы говоримъ — созвѣздіе тамъ Дѣвы,
Стрѣльца и Льва.
Но тамъ, въ поляхъ, растутъ свои посьвы,
Своя трава.

И каждый, кто съ земнымъ разъять мгновеньемъ,
Тотъ, ввечеру,
Зажжетъ свѣчу, и ставитъ, съ означеньемъ,
Ее къ шатру.

И знаменья тѣхъ свѣчъ неисчислимыхъ
Горятъ всю ночь,
Покуда Ночь, въ своихъ глубокихъ дымахъ,
Уходитъ прочь.

И между тѣмъ какъ всѣ земныя свѣчи,
Сгорѣвъ дотла,
Одѣлись въ мракъ,—пресвѣтлый ликъ предтечи,
Заря свѣтла.

И свѣчъ небесныхъ гаснуть вереницы.
Гдѣ всѣ шатры?
Одна свѣча властительной Денницы
Глядитъ съ горы.

ВЪ ПЕЩЕРАХЪ ДРУИДИЧЕСКИХЪ.

Я входилъ въ пещеры темныя,
Межъ утесовъ, надъ рѣкой,
Въ углубленья ихъ укромныя
Я входилъ съ моей тоской.

Въ ропотъ мракъ, гдѣ отшельники,
Гдѣ вертепъ, что въ камень врытъ,
Гдѣ слезливые капельники
Возгощаютъ сталактитъ.

Говорилъ во тьмѣ съ пещерникомъ,
О превратностяхъ души,
Былъ подземному придверникомъ,
Громы чувствуя въ тиши.

Переходы видѣлъ рытые,
Гдѣ рисунокъ безъ тѣней,
Развивалъ я судьбы свитыя,
Понималъ теченье дней.

Бороздами — изсѣченія,
Слѣва вправо, полный ходъ,
И свѣченъе возвращенія,
И чертежъ наоборотъ.

Пашня рунъ, колосья знаками,
Дуги, взрывчатый потопъ,
Клинь - топоръ, игранье мраками,
Сказка крови, жизнь и гробъ.

Атль - вода, узоръ зигзагами,
Змѣи, вставшія жезломъ,
Духи, шедшіе оврагами,
Въ свѣтомракѣ міровомъ.

Я читалъ ихъ начертанія,
Этихъ пращуровъ сихъ дней,
Далъ имъ долю лучшей дани я
Отъ живой души моей.

Но прикрытъ это шлемное
Бранно - мыслящей Земли
Бросилъ, — бросилъ потаемное,
Сжегъ — къ возврату — корабли.

Надъ подземностью вѣщающей,
Духъ впивая свѣжихъ струй,
Я стою какъ жнецъ встрѣчающій
Межъ колосьевъ — поцѣлуй.

СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМЪ
БЛЮДЕЧКЪ И НАЛИВНОМЪ
ЯБЛОЧКЪ.

СКАЗКА
О СЕРЕБРЯНОМЪ БЛЮДЕЧКЪ
И
НАЛИВНОМЪ ЯБЛОЧКЪ.

Жиль мужикъ съ женою, три дочери при нихъ,
Двѣ изъ нихъ затѣйницы, наряднѣй нѣту ихъ,
Третью же, не очень тароватую,
Дурочкою звали, простоватую.
Дурочка, туда иди, дурочка, сюда,
Дурочка не вымолвить слова никогда,
Полетъ въ огородъ, коровушекъ доить,
Сѣрыхъ утокъ кормить, воды не замутишь.
Вотъ мужикъ поѣхалъ сѣно продавать.
„Что купить вамъ, дочки?“ онъ спросилъ, и мать.
Старшая сказала: „Купи мнѣ кумачу“.
Средняя сказала: „Китайки я хочу“.
Дурочка молчала, дурочка глядитъ.
„А тебѣ чего же?“ отецъ ей говорить.
Дурочка смѣется: „Мнѣ купи, родной,
Блюдечко серебряно, яблокъ наливной“.
Сестры насмѣхаются: „Кто далъ тебѣ совѣтъ?“
„А старушка старая“, дурочка въ отвѣтъ.
„Стану я по блюдечку яблочкомъ катать,
Стану приговаривать, стану припѣвать“.
Близко ли, далеко ли, мужикъ въ отлучкѣ былъ,
Торговалъ на ярманкѣ, гостинцевъ онъ купилъ.
Сарафаны красныя у старшихъ двухъ сестеръ,
Блюдечко да яблочко у младшей,—экой вздоръ.
Блюдечко серебряно дурочка взяла,
Въ уголокъ запряталась, смотреть, весела.

„Наливнсе яблочко, ты катись, катись,
Все катись ты по-солонь, вверхъ катись и внизъ.
Ты гори, показывай, какъ горить заря,
Города показывай, лѣсъ, поля, моря.
Ты катись, показывай горь высоту,
Ты катись, показывай Небесъ красоту“.
Эги приговорныя сказала ей слова
Старая старушка, — чуть была жива,
Дурочка дала ей калачь, чтобы поѣсть,
А старушка — слово, въ словѣ словъ не счесть.
Катится яблочко по блюдечку кругомъ,
Катится яблочко, и ночь идетъ за днемъ,
Видны на блюдечкѣ поля и города,
Зори златистыя, серебряна звѣзда,
Вонъ корабли, закачались на моряхъ,
Царскіе полки на бранныхъ на поляхъ,
Солнышко за солнышкомъ катится,
Темный лѣсъ, какъ темный звѣрь, мохнатится,
Звѣзды хороводами, звѣздится въ Небѣ гладь,
Диво-то, красиво-то, перомъ не написать.
Сестры заглядѣлись, зависть ихъ беретъ:
„Какъ бы это выманить?— Подожди, придетъ“.
„Душенька - сестрица, въ лѣсъ по ягоды пойдёмъ,
Душенька - сестрица, земляники наберемъ“.
Дурочка блюдечко отцу отдала,
Встала, оглянулась, въ лѣсъ она пошла.
Съ сестрами бродить. Лѣшій сторожить.
„Что это, заступъ острый тутъ лежитъ?“
Вдругъ злыя сестры взяли заступъ тотъ.
Вырыли могилу. Чей пришелъ чередъ?
Дурочку убили. Березка шелестить.
Дурочка въ могилкѣ подъ березкою спить.
Бѣлая березка. Лѣшій сторожилъ.
Онъ на травку дунулъ, что-то въ цвѣтъ вложилъ.
Выросла тростинка, тростинку шевельнулъ,

И пошелъ по лѣсу. Шелестъ, шорохъ, гулъ.
„Дурочка-то гдѣ же?“ говоритъ отецъ.
„— Дурочка сбѣжала. Изъ конца въ конецъ
Лѣсъ прошли мы, снова обошли его.
Видно, волки съѣли. Въ лѣсѣ никого“.
Кто-то былъ тамъ въ лѣсѣ. Сестры, сестры, жди.
Кто-то есть тамъ въ лѣсѣ. Что тамъ впереди?
„Все же дочь, хоть дурочка“. Заскучалъ отецъ.
Яблочко и блюдечко онъ замкнулъ въ ларецъ.
Сестры надрываются. Только сказка—скокь,
Вдругъ перемѣняется, сдѣлала прыжокъ.

Водить стадо пастушокъ,
Онъ играетъ во рожокъ,
Размышляетъ про судьбу,
На зарѣ трубитъ въ трубу.
Онъ овечку потерялъ,
Нѣтъ ея, есть цвѣтикъ аль.
Онъ заходитъ во лѣсокъ,
Подъ березкой — бугорокъ.
И цвѣты на бугоркѣ,
Словно въ аломъ огонькѣ.
И лазурь за тотъ же счетъ,
И тростинка тамъ растетъ.
Вотъ тростинку срѣзалъ онъ,
Всюду зовъ пошелъ и звонъ.
Диво - дудочка поетъ,
Разговариваетъ:
Звонъ - тростиночка поетъ,
Выговариваетъ: —
„Ты тростиночка, играй,
Диво-дудочка, играй,
Ты игрою
Разливною
Сердцу - милыхъ потѣшай,
Мою матушку,

Свѣта-батюшку,
И сестрицъ родныхъ монхъ,
Не сужу я строго ихъ,
Что за яблочко,
Что за блюдечко,
Что за яблокъ съ свѣту сбыли,
Что за блюдце загубили,
Ахъ ты дудочка,
Диво - дудочка,
Ты играй, ты играй,
Ты всѣхъ милыхъ потѣшай“.

Люди тутъ сбѣжались. „Ты про что, пастухъ?“
А пастухъ ли это размышляетъ вслухъ.
Онъ тростинку срѣзалъ, кто-то въ ней поетъ.
Для кого-то въ пѣснѣ, можетъ быть, разсчитать.
„Гдѣ была тростинка?“ Тутъ, невдалекѣ.
„А давай, посмотримъ, что тамъ въ бугоркѣ“.
Бугорокъ разрыли. Такъ. Лежитъ она.
Кѣмъ была убита? Кѣмъ схоронена?
А тростинка шепчетъ, а цвѣтокъ горитъ,
Березка шуршитъ, разговариваетъ.
Дудочка запѣла, поетъ - говоритъ,
Поетъ - говоритъ-выговариваетъ:—

„Свѣтъ мой батюшка,
Свѣтикъ - матушка,
Сестры въ лѣсъ меня зазвали,
Земляничкой заманили,
И за блюдечко — связали,
И за яблочко — убили,
Погубили, схоронили,
Въ темной спрятали могилѣ,
Но колодець угловой
Со водою есть живой,
Есть колодець, дивный, онъ
На скрещеньи всѣхъ сторонъ,

Вы живой воды найдите,
Здѣсь меня вы разбудите,
Хоть убита, я лишь сплю,
А сестрицъ не погубите,
Я сестрицъ родныхъ люблю“.

Скоро ли, долго ли, колодець тотъ нашли,
Царь былъ тамъ, Солнышко, и всѣ къ Царю пришли.
Дурочку, умночку, вызволили, вотъ.
Вышелъ Царь-Солнышко, въ дворець ее зоветъ.
„Гдѣ жъ твое блюдечко и съ яблочкомъ твоимъ?“
Дай усладиться намъ сокровищемъ такимъ“.
Ларчикъ беретъ она тутъ изъ рукъ отца,
Яблочко съ блюдечкомъ, явитесь изъ ларца.
„Что ты хочешь видѣть?“— „Все хочу, во всемъ.“
Блюдце—какъ лунное, и яблочко на немъ.
Яблочко—солнечно, и красно какъ заря,
Вотъ они, вотъ они, лѣса, поля, моря.
Яблочко катится по блюдечку, впередъ,
День начинается, и алый цвѣтъ цвѣтетъ.
Воинства съ пищалями, строй боевой,
Вѣютъ знаменами, гудятъ стрѣльбой пальбой.
Дымъ словно облакомъ тучу съ тучей свиль,
Молнію выбросилъ, и все отъ глазъ сокрылъ.
Яблочко катится, и Море тамъ вдали,
Словно какъ лебеди столпились корабли.
Флаги и выстрѣлы, и словно сумракъ крыль,
Дымъ взвился птицею, и все отъ глазъ сокрылъ.
Яблочко катится, и звѣздный хороводъ,
Солнышко красное за солнышкомъ плыветъ,
Солнышко съ Мѣсяцемъ, и красныхъ двѣ Зари.
„Яблочко съ блюдечкомъ отдашь ли мнѣ?“— „Бери.
Все тебѣ, все тебѣ, солнечный нашъ Царь,
Только сестерь моихъ прости ты, Государь.
Яблочко съ блюдечкомъ—тебя плѣнивъ—для нихъ,
Сколь же заманчиво!“—На томъ и кончимъ стихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДОЧЕРИ НОЧИ.

Дочери Ночи	7
Отъ Зорь къ Зорямъ	8
Пчелы	9
Ткачъ	10
Солнышко-Ведрышко	10
Алая парча	11
Срѣтенье	11
Вознесенье	12
Отъ птицы къ птицѣ	13
Годовая бесѣда	14
Гречиха	14
Малиновка	15
Огнебагрянка	15
Узорный сарафанъ	15
Золотое слово	16
Былинки	17
Любить	17
Фея въ лѣсу	18
Нѣжныя	19
Подруга	19
Пой	20
Звѣзда Вечерняя	20
Ночь наступаетъ	21
Псаломъ ночной	22
Въ заревѣ Зорь	22
Послѣдняя заря	23
Двойная перевязь	23
Сутки	23

КОСТЕРЪ.

Костеръ	27
Тигель	27
Остріе	28
Выборъ	29
Морской	29
Удѣль	30
Извивъ	30
Печаль	30
Шорохи	31
Изъ-за бѣлаго забора	32
Лѣсъ видитъ	33
Проклятіе	33
Отъ волча	34
Самосожженіе	34
Пожарище	35
Искры	35
Клятва	36
Водительство	36
Отъ скалы до скалы	37
Не въ эти дни	37
Хоромы	38
Два дара	39
Метеоръ	40
Гіероглифы звѣздъ	41
Дай мнѣ вина	41
Цѣпи	42

ЦВѢТОЧНЫЙ СОНЪ.

Вѣнчальный часъ	45
Солнце	45
Вандины	46
Свершилось	47
Пчелѣ	48

Мирра	48
Тоска степеней	49
Вѣлизна	50
Голубой стишокъ	50
Стройность линій	51
Лебяжій пухъ	51
Въ тихихъ горницахъ	52
Лилія	52
Два цвѣтка	53
Я, Ты	53
Лѣсная	54
Весеннія сосны	54
Сполна	55
Въ подводности	55
Дымка	56
Возвѣщенная	57
Медвянка	58
Счетъ	58
Какъ же?	59
Цвѣты	60
Срывъ	60
Цвѣтъ власти	60
Танецъ	62
Сонъ наяву	62
Я отдалъ себя	62
Золотая	63
Мгла	63

КАМЕНЬ ГОЛУБОЙ.

Камень Голубой	67
Подземные	69
Въ борѣ надъ Моремъ	69
Черезъ вѣка	70
Раковина	70

Звѣробой	71
У Моря	71
Глаза твои синіе	72
Зори	72
Первый снѣгъ	72
Душѣ	73
Пасхальныя	73
Ширь	74
Голубые глаза	74
Рыцарь	75
Дымка	75
Запретность	75
Бѣдныя дѣти	76
Вѣнчаный мигъ	76
Благословеніе	77
Какъ Ночь	77
Къ Жемчугамъ	78
Счастье	78
Голубое	79
Пламя	80
Звѣздная грамата	81

ЛУЧЕИЗЛОМЪ.

Агни	85
Взоры горь	86
Лучеизломъ	87
Тигръ	87
Сказаніе	88
Жерло	89
Непреложность	90
Нѣжность Мира	91
Сонъ	92
Изъ вихря	93
Къ Царицѣ Пламенной	93

Грозовой поцѣлуй	94
Кони Бурь	94
За грозой	95
Зачарованіе	95
Борь	96
Древесная сказка	97
Осенній праздникъ	98
Осенній лѣсъ	98
Напоследки	99
Осень	100
Высокая свѣча	100
Четыре свѣчи	101
Расцвѣтали	101
Купина	102
Кровь отдавшій	103
Весной	104
Падшая-павшая	104
Паруса	105

ОПАЛЫ.

Въ ладѣ	109
Роса	110
Звѣздный звонъ	110
Лунный сокъ	111
Новый серпъ	112
Мѣсяцъ	112
Окрайность	113
Изъ всѣхъ глубинъ	113
Бѣгъ минутъ	114
За порогомъ	114
Въ лѣсу	115
Все ближе	115
Колосья	116
Ущербъ	116

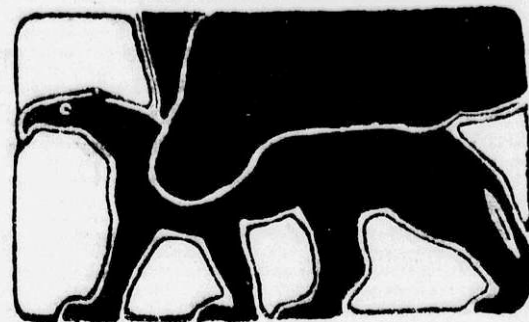
Зима	117
Сѣверное сіяніе	117
Серебряный путь	118
Въ снѣжной заметѣ	118
Звѣздный мостъ	119
Четыре	119
Бѣлый призракъ	120
Тихая повѣтеръ	121
Рыдальщица	121
Зачѣмъ	122
Овалъ	122
Міровая Пыль	123

ПОТУХШІЕ ВУЛКАНЫ.

Потухшіе вулканы	127
Триада	128
Завѣтъ Пиеагора	128
Числа	130
Знаки	131
Приближаясь къ Александріи	131
Ниль	131
Египетъ	132
Поля Египетскія	133
Гдѣ бь я ни странствовалъ	134
Прекраснѣй Египта	134
Рубище	135
Око	136
Нелюдимъ	136
Двойникъ	138
Два вѣнка	139
Ожерелье	139
Левкайонія	140
Небесная Дорога	141
Вѣрный	142

Египетскій Богъ.	143
Аменти.	144
Озирисъ.	144
Онъ вращающій колесо	145
Благовѣстіе.	146
Достовѣрность.	147
Вышнія Знаменія	148
Въ пещерахъ Друидическихъ.	149

СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМЪ БЛЮДЕЧКѢ
И НАЛИВНОМЪ ЯБЛОЧКѢ.

Изданія К-ва „ГРИФЪ“.

- I. Альманахъ „Грифъ“. 1903. 1 р. (Распродано).
К. Д. Бальмонтъ. Только любовь. Стихи. I издание
 Обл. раб. М. Дурнова. 2 р. (Распродано).
Оскаръ Уайльдъ. Саломея. Пер. Л. и С. Андрусонъ,
 подъ ред. К. Д. Бальмонта. Облож. М. Дурнова
 1 р. (Распродано).
 II Альманахъ „Грифъ“. 1 р. 25 к. (Распродано).
К. Д. Бальмонтъ. Горныя вершины. Статьи. Т. I.
 Искусство и литература. Обл. М. Дурнова. 2 р.
Андрей Бѣлый. Возвратъ. III симфонія. Обл. В. Влади-
 мірова. 1 р.
Ө. Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разска-
 зовъ. 1 р. (Распродано).
Ө. Сологубъ. Книга сказокъ. Обл. М. Дурнова. 80 к.
Александръ Блокъ. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Обл.
 В. Владимірова. 1 р. (Распродано).
А. Л. Миропольскій. Вѣдьма. Лѣствица. Поэмы.
 Предисловіе Андрея Бѣлаго. Обложка В. Влади-
 мірова. 1 р. (Распродано).
 III Альманахъ „Грифъ“. 1 р. 30 к. (Распродано).
Оскаръ Уайльдъ. De profundis. Записки и письма изъ
 Рэдингской тюрьмы. Пер. Е. Андреевой. (Распрод.).
К. Д. Бальмонтъ. Литургія Красоты. Стихи. Обл.
 М. Сабашниковой. 2 р.
К. Д. Бальмонтъ. Фейныя сказки. Стихи. 80 к.
Оскаръ Уайльдъ. Портретъ Доріана Грѣя. Перев. А.
 Минцловой. Нумеров. изд. съ рис. М. Дурнова. 3 р.
Оскаръ Уайльдъ. Замыслы. Пер. А. Минцловой.
 Обл. раб. В. Миліоти. 1 р. 40 к.
Сергій Кречетовъ. Алая книга. (Конфисковано. Въ
 продажѣ не имѣется).
А. Курсинскій. Сквозь призму души. Стихи и раз-
 сказы. Обл. Н. Сапунова. 1 р.

- Л. Вилькина-Минская.** Мой садъ. Сонеты и рассказы. Обл. раб. В. Миліоти. 1 р.
- А. Кондратьевъ.** Сатиресса. Мифологическій романъ. Обл. раб. Я. Бельзена. 1 р.
- А. Бѣлый.** Урна. Книга стиховъ. 1 р.
- Нина Петровская.** Sanctus amor. Рассказы. 60 к.
- И. Новиковъ.** Духу Святому. Стихи. Обл. раб. Н. Крымова. 1 р.
- С. Ауслендеръ.** Золотыя яблоки. Рассказы. Обложка и фронтисписъ А. Силина. 1 р.
- К. Бальмонтъ.** Только любовь. Стихи. II изданіе. 1 р.
- О. Дымовъ.** Земля цвѣтетъ. Рассказы. Обл. З. Эліасбергъ. 1 р.
- С. Кречетовъ.** Летучій голландецъ. Вторая книга стиховъ. Обложка А. Арнштама. Ц. 80 к.
- В. Ходасевичъ.** Молодость. Стихи. 70 к.
- А. Мирэ.** Черная пантера. Рассказы. 80 к.
- Александръ Діесперовъ.** Стихотворенія. 1911. 60 к.
- Максимиліанъ Волошинъ.** 1900 — 1910. Книга стиховъ. Обложка А. Арнштама. Фронтисписы и рисунки въ текстѣ К. Ѳ. Богаевского. Ц. 80 к.
- Иннокентій Анненскій.** Кипарисовый ларецъ. Книга стиховъ. Посмертное изданіе. Обложка А. Арнштама. Ц. 80 к.
- Графъ Алексѣй Н. Толстой.** За синими рѣками. Книга стиховъ. Обложка В. Бѣлкина. Ц. 75 к.
- Семъ-Бенелли.** Ужинъ шутокъ. Драматическая поэма изъ эпохи Лоренцо Великолѣднаго. Перев. съ итальянскаго Александра Брюсова. Ц. 65 к.
- К. Бальмонтъ.** Зарево Зорь. Книга стиховъ. 1912 г. 1 руб.

ИМѢТСЯ НА СКЛАДѢ.

К. Бальмонтъ. Подъ сѣвернымъ небомъ. Стихи. Ц. 50 коп.

Адресъ К-ва: Москва, Моховая, д. 10, кв. 17.
Тел. 159-92.

Адресъ для денежн. переводовъ: Москва, Моховая, 10, С. А. Соколову.

Петербургское отдѣленіе: Спб., Литейный, 31, книжный магазинъ И. Митюрникова.

Московское отдѣленіе: Книжн. магаз. „Образованіе“. Кузнецкій мостъ.

При непоср. выпискѣ пересылка на счетъ „Грифа“. Провинц. магазинамъ при выпискѣ на наличныя скидка 25% съ суммы не менѣе 3 рублей.

Редакторъ **С. А. Соколовъ.**